ОЛЬГА
БЕШЕНКОВСКАЯ

ПЕСНИ ПЬЯНОГО АНГЕЛА

(поздняя книга
ранних стихов)

1958 - 1976

ЗДРАВСТВУЙ, „ЯЛО“!..

(Несколько слов от умудрённого автора)

...Ну зачем, зачем я это делаю? У читателя уже сложился определённый, вполне достойный образ поэта: интеллектуального, склонного к меланхолии, в тоталитарные времена - воинственно противорежимного. Зачем я снова окунаюсь головой в эти тетрадки, в пожелтевшие самиздатовские книжечки, перечитываю самые первые, до смешного наивные строчки?

Уж не потому ли, что один литературовед, забравшись как-то с моего заочного разрешения в мои архивы, восхитился всем этим, когда-то тщательно переплетённым друзьями ералашем и написал в эссе, что именно там-то всё и начиналось, и что всё это (даже то, чего автору теперь стыдно) необходимо извлечь на свет? Нет, конечно.

Ибо в профессиональной автобиографии, опубликованной в пока самой большой и серьёзной моей книге, изданной недавно одним из немецких университетов, я честно призналась :

„В детстве хорошо пишет тот, кто меньше думает: получается почти по-птичьи... Я же слишком часто морщила лоб вопросами, и первые мои стихи больше походили на решение уравнений с извлечением морального корня...“

Скажу ещё более откровенно: ранние мои поэтические опыты (читай: опусы) не были чужды даже пионерской романтики созидательного труда и дальних дорог: вернее, как бы романтизма собственной просыпавшейся души, невовремя пришедшегося ко времени...

К тому же, на многих, написанных в школьные годы и чуть позже, стихах остались следы перенесённых как ветряная оспа (переносимых поэтическим ветром шестидесятых) „заболеваний“ Евтушенкой, Кушнером, Пастернаком... (Таких разных - и таких заразительных...)

Но вот чего не было - так это именно того, в чём немногие сведущие тогда люди, предостерегая, упрекали: не было никогда подражания Цветаевой. Первый раз книга Марины Ивановны попала ко мне в руки с большим и понятным, зная время, хотя и непростительным опозданием, - когда несколько моих „собственноручных“ книжек уже были написаны, и даже, пожалуй, оттолкнула... очевидным сходством наших литературных характеров. (Этого с самой большой буквы Поэта я поняла, или кажется, что поняла, значительно позже, и до сих пор больше люблю в ней прозаика...)

Собственно, именно строптивости своей, компенсирующему детскую доверчивость гневному чувству справедливости, скрываемой за внешней робостью пылкой гордыне благодарна я за всё, что со мной тогда **не** случилось: **не** публиковалась, **не** стала членом союза советских писателей, **не** вошла в обойму поэтов, которым до известных пределов разрешалось быть свободными... (Хотя яростная поверхностность моя и отсутствие генетической культуры к этому предрасполагали...)

От пафоса меня спасала ирония, от цинизма уберегал пафос...

К тому же, не только я, но и всё моё поколение успело вдохнуть всего лишь глоток свежего воздуха: выдыхали уже в подполье, в подземельях, в семидесятых, молча, по одному...

Это было время самообразования, самовоспитания, самоопределения. Одним словом - самосозидания... И я благодарна ему за медленное, в монотонно тикающей тишине, созревание уже полновесных плодов...

Но тот угрюмый дичок, прививающий к себе цветущий мир, человечек с упрямой чёлкой, перечёркивающей наморщенный первыми раздумьями лоб,

„девочка-наоборот“, всегда идущая наперекор лжи, собственной выгоде и даже здравому смыслу, мне и сейчас отчаянно симпатичен... (Иногда мне кажется даже, что мы до сих пор не так уж далеки друг от друга...)

И я открываю свою самую первую, зеркальную детской душе тетрадку, - „ученицы 6-го -Б. класса 76-ой ленинградской средней школы“, - и говорю: Здравствуй, „Яло“!..

Ольга Бешенковская

1999 г. Штутгарт.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ:

P.S. Одна из пяти сброшюрованных под этой обложкой самодельных книжек уже была однажды опубликована, но... под чужим именем: С.Бурченкова. „Общая тетрадь“. Лениздат. 1992. Думаем, что эта смешная, если бы по самой сути своей не такая грустная история, придуманная автором в духе волошинской Черубины , ещё не забылась в Петербурге. А если „за грудой дел и суматохой явлений“ она и ушла в тень прошлого, - тем лучше... Значит, читатель увидит эти и сейчас удивительные стихи ПЕРВЫМИ глазами...

Но во имя литературоведческой точности документальные подтверждения „мистификации по-советски“, как было сказано тогда в опубликованном газетами авторском саморазоблачении, приведены в конце этой книги. Там же вы найдёте эссе кандидата филологических наук Олега Шаркова, посвящённое ранним стихам Ольги Бешенковской.

И если наша кровь окрасит знамя,
И в нашу честь сверкнёт оркестров медь,
Не будет нецелованных меж нами:
Всё позади... И не о чем жалеть.

Мы всё узнали, от всего устали,
У нас в прожилках старческих глаза.
Уже давно задула ночь густая
Пылающие наши паруса.

В герои нас произведут с усердством
И не поймёт никто издалека,
Что всё равно, обжечь ли дзотом сердце
Или последней стопкой коньяка...

Не надо ни оркестров, ни застолья,
Всё было встарь. Всё снова будет впредь.
Мы всё успели. Не успели только
Понять, за что не страшно умереть...

(1963)

ДВОЙКА ЗА ПОВЕДЕНИЕ
(1958 - 1965)

Не успеваю по предмету
С названьем глупым „поведенье“...
Как будто может быть к поэту
Лишь поведение - введеньем.
Когда-нибудь не буду дерзкой,
Мы все ещё успеем после
От непосредственности
детской
Придти к посредственности

взрослой...

УЧИТЕЛЯ, НЕ ОБЕССУДЬТЕ...
(Из первой тетрадки. 1958.)

***

Треплет ветер ладонью жёсткой -
Не беда, что уроки не сделаны.
Угловатыми, как подростки,
Получаются строчки первые.
Дуб склонился над первым горем -
Как над пасмурным Лукоморьем...
И к стволу его цепью звёздной
Рыжий месяц крепко привязанный
Мне о Пушкине вечером поздним,
Словно кот ученый, рассказывает...

***

Учителя, не обессудьте,
На жизнь глядите веселей.
Мы сами (мы ведь тоже люди...)
Нашли себе учителей.
Не тех, что сонно в класс вплывают,

Защёлкнув сердце на засов,
До хруста в челюсти зевают,
Глаза отклеив от часов...
Не хмурьтесь теми же глазами,
Нам уважать себя веля...
Не в школьной сумрачной казарме
Нашлись для нас учителя:
Стучимся в двери и века,
И уважаем их. Пока...

***

Яблоком, подставив солнцу зелень,
По небу с каёмкой голубой
Крутится Земля без воскресений,
Увлекая взгляды за собой.
О, земное головокруженье -
Карусель для взрослых и ребят!
Счастья миг - и вечное движенье
Не во имя нас - вокруг себя...

***

Рабовладелец -раб своих страстей.
И не всегда медведю жизнь - малина...
Не каждый лев доволен долей львиной.
И мы не дети в звании детей.
А кто же мы?
Всего лишь только мы...
Так что ж цветы в глаза не наглядятся?
За что же птицы белые зимы
Нас узнают и на плечи садятся?

ДНЕВНИК (1959 - 1962)

***

Я стану Зимой, бесшабашной и светлой,
На вид - ледовитой, румянцем - в зарю.
Хочу - снегирей буду стряхивать с веток,
Хочу - замететелю, хочу - завихрю!
Кого - обогрею , кого - обморожу,
Кого - сногсшибательно с горки скачу,
И дети - седые, и бабки - моложе,
А я... Я такая, какая хочу!
Я - воздух и свет.

Ни почета, ни денег,
Ни даже из собственной пряжи - пальто...
Хоть белого света мне чище не сделать,
А светлого дня не заметит никто...

***

Смотрите, - снег! Вот это снег!
Снежинки - врассыпную!
Как птицы? - Нет... Как дети? - Нет...
Как ноты? - Нет... А ну их...

А снег идет, слепит глаза,
Юлой вертеться начал.
Как сто, как тыщу лет назад,
И всё-таки - иначе...

На счастье или на беду
Голубя все земное,
Идет. И я за ним иду...
А кто идет за мною?..

***

На букву „Я“ похожий парус
Парит мечтою над судьбой...
В зеркальной глади отражаясь,
Он сам любуется собой.
И мы любуемся, как дети,
Как он сверкает на лету!
Слепые, - мы не видим ветер,
Вдохнувший в парус на рассвете
Волненье, скорость, красоту...

***

Коварных лестниц виражи,
И этажи - как миражи,
И кнопка нервного звонка,
И торопливая рука...
Как хорошо на свете жить,
Пока нам есть куда спешить!
Какая разница - куда:
На лыжах? - Да!
По лужам? - Да!
И мы опять пойдем в кино
Из-за того, что там темно...

ПРАЗДНИК НЕПТУНА

Колышется озеро... Травы трясутся...
Нептун из воды вылезает с трезубцем...
Приветливо левой рукою махает
И всех нас подводное царство макает!
В хоромах его - и красиво, и зыбко,
Любая плотва - государыня-рыбка...
Прошу адреса неоткрытых Америк,
Но всех загоняет вожатый на берег.
Становятся мусором яркие флаги,
Шагает в столовую с песнями лагерь,
Где вместо Нептуна, сурово и храбро,
Уборщица ждёт, опираясь на швабру...

***

Приходят к нам фронтовики,
Раскатисто смеются,
Дрожат в испуге на столе
Фарфоровые блюдца...
На стол - единственный сервиз,
В котором не едим мы...
И поражает каждый раз
Суровое единство,
Когда глядят они в альбом
В молчаньи напряженном,
Забыв о шалостях детей,
Не отвечая жёнам...
И оглушают в тишине
Разрывы междометий...
И разом вдруг заговорят
Забыв про всё на свете:
И о рыбалке, и о том,
Как жизнь подорожала...
И молча я на них смотрю,
И что-то горло сжало
Не от шутливой похвалы :
„Отцовская порода“ -
Как в галерее восемьсот
Двенадцатого года...

***

Луна и солнце - две медали
На синем бархате горят.
Их Вам не зря, наверно, дали

За Волгу и за Ленинград...
Но блеск тускнеет... И герою
Труднее в мире, чем в бою.
...Вы нежно смотрите порою
На доблесть бывшую свою...

ГРУШИ

Андрею Вознесенскому

По субботам и по воскресеньям
На углу, где старые часы,
Продавец с достоинством осенним
Возлагает груши на весы.
Грудой - груши... Здесь они не редкость,
Здесь, вздохнув от будничных забот,
Городок, на солнце разогретый,
Превратился в грушевый компот.
Груши, груши - лампочные души:
Ох, плодятся образов огни...
И боюсь надкусывать я груши,
Если треугольные они...

***

Пусть дождь ещё сильнее льёт,
Кого-то под часами
Давно серьёзный мальчик ждёт
С хорошими глазами...

Она придет издалека,
Озябшая немножко, -
И будет греть его рука
Холодную лодошку.

И станет им вдвоём теплей,
И больше солнца в мире.
...Не плачьте на моем столе,
Трагедии шекспирьи!

Пусть чьим-то вёснам нет преград,
А чьм-то - нет возврата,
И платья модные висят,
На вешалках распяты,

И я прерывисто дышу,
И на окошке синем
Невольно пальцем вывожу
Одно и то же имя...

***

Вот - очередь к парикмахеру.
Кто крайний за красотой?
И, вежливый одинаково,
Он всем услужить готов:

Актрисам или буфетчицам
С улыбкой твердит весь день,
Что, дескать, прекрасней женщины
Ещё не встречал нигде...

И кротко глядит спесивая,
И в том не его вина,
Что чем она некрасивее -
Тем больше верит она...

В ЗООПАРКЕ

Здравствуй, Мишка!
Я соседка, Оля,
мы живем на улице одной.
Как тебе зимуется в неволе
С поневоле собственной женой?
Вы вдвоем заброшены за прутья -
Не спилить ни зубом, ни ножом.
Лишь могу конфету протянуть я,
На которой ты изображён...
Может быть, медведица и рада
И в плену известности такой,
А тебе не надо шоколада,
Надоели сытость и покой.
Мы хотим на Север - и поедем,
Нам, свободным, вспомнится навряд,
Что в глазах у белого медведя
Две звезды Полярные горят...

***

Удав глядит в упор на кролика,
Как постовой - на алкоголика...

***

Не любя и не ругая
(И не друг он - и не враг)
Избегаю попугая -
Нафрантившийся дурак.
Но в отличье от поэта,
Повторяя невпопад,

Признаёт он честно это -
И прощаешь плагиат...

ПОЧЕМУ ЛЕОПАРД ПЯТНИСТЫЙ
(сказка)

Леопард не всегда был жесток и хитр,
И пятнистым был не всегда.
Был он маленьким. Был у него бронхит.
Вот какая была беда...
И тогда не рычал он ещё как зверь,
А выкашливал боль и слизь.
Правда кашлял маленький - верь-не верь -
Так,что джунгли три дня тряслись...
И услышал доктор (не трубкой он -
Сердцем слышал чужую боль),
И довёз его терпеливый слон
Лучше, чем самолёт любой.
Доктор вымыл руки в ручье, и вот
Вынимает банки и спирт:
„Повернись-ка, маленький, на живот
И минут пятнадцать поспи...“
Испугался доктора леопард -
Неприятно звенит стекло...
...А проснулся - даже из пасти пар:
Вот как стало ему тепло!
Улыбнулся доктор: „Ну, мне пора...
Завтра будешь здоров совсем!“
А больной в ответ зарычал: „Ур-р-ра!
Я здор-рр-ров, и тебя я съем!“
Заблестели хищно его зрачки,
Изогнулась к прыжку спина...
Близорукий доктор протёр очки
И успел сказать: „Вот те на...“
С той поры отцвёл и апрель, и март,
Но живёт запятнанным леопарт...

***

Ручей о Волге видит сны,
А Волге снятся океаны...
О, философия весны -
Я в ней профессором не стану.
Я не проникну в глубину
Спиной к учителю и карте,
Зато соседу подмигну -
И „бой морской“ начнётся в парте...
Зато в рисованном бою,
Хотя и торпеда и не минет,

Воскреснет бездны на краю
В своем квадратике эсминец...
Войне взаправдашней назло
Моих подлодок панцирь прочен.
Мне очень в жизни повезло,
Что в жизни мне везёт не очень,
Что увлечения странны,
Что ничего не понимаю
Ни в географии страны,
Ни в половодьях счастья к маю...

ОСЕННИЕ КАРТИНКИ

Над притихшей Лахтой и над Кушелевкой,
Над гуденьем сиплых голосов
Солнце, с боку правого надкушенное,
Подымалось из глубин лесов.
Кисло-сладким яблоком антоновка...
(Приглядись, и семечки - насквозь),
И звенела жалобная, тонкая,
Птица ли? Сама земная ось?

***
Вот он, первый восковый оттенок -
Скоро клены вспыхнут ярче люстр!
Исхудав, работаю антенной -
Позывные осени ловлю...

***
Она почти забыта, но она
Должна быть восстановлена по лучику,
Она ещё туманами полна
И неизвестно, скоро ли получится...
Как в реставрационной мастерской
(И пёстрый хлам, и штукатурки осыпи)
Проступит под невидимой рукой
И лунный нимб, и лик печальной осени...
Прекрасное не может быть смешным,
Хоть рядом вы, смешное и великое.
И Боги наделяются земным -
Осенними задумчивыми ликами...

***
Листья сумрачные, осенние,
Гаснут в трепетном полунении.
Догорание... Почернение...
Опадание... Нет спасения.
Я ступаю шагами чуткими
И мелодию - слышу? Чувствую?
То ли - нежность, а то ли - грусть

В эту осень не разберусь.
Позабуду ль потом? Пойму?
Ощущенье конца? Начала?
А пока отдаюсь ему -
Замолчала...

***

Осень грустная была.
Погрустила - бросила.
Бьёт во все колокола:
О-сень! О-сень!
Вскинет бровь, скосит глаз -
Подходи, хороший!:
Листопад! Листопляс!
Зонтики, галоши...
Брызги бус! Горсти клипс!
По ветру - рубины!
... А из них разоглись
Рифмы и рябины...

***

Что-то снова дела не клеятся...
Заглянул бы ко мне хотя б
По забытой друзьями лестнице
Сероглазый мальчик - Сентябрь...
Но он не придёт : у него - музыка,
Да еще тренировки по всей России,
Чтобы яблоки его - его мускулы
Наливались бронзовой силой...

***

Потом, немного погодя,
Я разберусь в дождях осенних...
Сегодня было два дождя -
Как два намёка на спасенье:
Один накрапывал слегка
Сквозь марлю бледного рассвета. -
Казалось, жадная рука
Считает стертые монеты...
Другой на всех и на меня
Растратил весело и быстро
Мошну:
        сверкая и звеня,
Из тучи высыпались брызги!
Один войдет в любую щель,
Кольнёт иголку в стоге сена,
И попадает прямо в цель,
Хотя и медленно, но верно.
Другой в припадке доброты
За час безудержно прольётся,
Зря выльет озеро воды

И лужей высохнет на солнце.
Какой же строк моих герой?
Я не могу ещё ответить...
И первый - прав. И прав второй.
А завтра будет новый, третий...

***

Резкий ветер, дерзкий ветер
Крутит ветви вверх и вниз...
Ну-ка, небо, Ваша светлость,
На все звёзды застегнись!

***

Осень краски свои
малышам во вдоре раздарила.
Где-то кисти забыла,
а где - не припомнит сама...
На ступеньках кряхтит,
осторожно держась за перила...
И на третьем пролёте
её настигает зима.

***

Снег, снег, как наваждение!
Первый снег - предупреждение
О начале охлажнения...
Но со мной - друзья мои:
Снегири - по убеждению,
Голуби - по принуждению,
По глупости - воробьи...

***

Озноб в душе и слабость в теле,
С ума бы тихо не сойти...
И журавли уже хотели
На крыльях небо унести,
Но - грянул свет!
Оторопело,
Из под осенней шелухи,
Смотрю на снег, на праздник белый -
И вижу белые стихи...
. . .
И рифмы долго не щебечут,
Покинув гнёзда словаря...

***

Звонкая неведомая песенка,
Острые коленца на бегу...
Кажется, в седьмое небо лесенка
Тянется - и прячется в снегу.
Мне за песню, хрупкую, как девочка,
Страшно, как за первые мечты:
Вдруг она сломается, как веточка -
И к ногам, об камень, с высоты...

***

Когда мне тускло как-то
И жизнь равна нулю,
Я контурную карту,
Невзрачную, куплю.
Достану акварели -
И крашу, как хочу...
И даже птичьи трели
Над лесом получу!
Рисую синь и алость,
И облако, и мак,
И не смотрю на атлас,
В котором всё не так...

***

Ты выходишь из дома - и дом
За спиной погружается в холод.
Вся нелепость бессмертия - в том,
Что оно после смерти приходит...
Беспощадные стрелки судьбы
Замерзают на цифре 12.
На остывшие мысли и лбы
Запоздалые лавры ложатся.
Но пока ты идёшь, но пока
На тебе согревается куртка...
И запазухой бьётся строка...
И мечта о бессмертье сладка,
Как запретная горечь окурка...

***

Не захлебнувшись ветром зимним,
Не пел скворец и о весне.
Грустил он в зоомагазине
В железной клетке на окне.
Сметая пыль, сникали крылья,
Першило в горле от зерна.

А клетку всё-таки открыли,
Поскольку всё-таки - весна...
Купили, чтобы дать свободу,
Когда положено - весной.
А он, пугаясь небосвода,
Застыл в темнице подвесной.
А он смотрел в квадратик двери,
Как смотрят фильмы или сны:
Уже паря, ещё не веря,
На миг отпрянув от весны...
И жался курицею мокрой
К железным прутьям и окну, -
Не мог запеть, взлететь не мог он
В почти забытую весну...

***

Круглый и пыльный, как старенький глобус,
Катится, куриц пугая, автобус.
Пахнет антоновкой, гарью бензинной,
Колет словцом и мужицкой щетиной.
И обдаёт на крутых закидонах
Смехом парным и штормами в бидонах...
И обсуждает судьбу урожая,
И тормозит, обелиск объезжая.
Кто-то выходит, а кто-то заходит -
Более важного не происходит.
Катится старенький пыльный автобус,
Кажется миром, уменьшенным в глобус...

***

Сын Якира, Сын Сибири -
На Неве почётный гость!
Тяжелей слова,чем гири,
Смотрит прямо, а не вкось.
Из под глиссерных гребёнок
Чешет весело Нева...
Он смеётся как ребенок -
К сорока, а жизнь - нова.
Говорит нам о Якире,
Новый день благодаря,
Сын Якира, сын Сибири,
Внук и щепка Октября...

***

Я думаю, России не помеха

Заморская экзотика одежд:
Пусть обезьяны корчатся от смеха
На ультрамодных галстуках невежд.
Друзья в техасы еле ноги втиснут
Или напялят брюки солнце-клёш...
Боюсь другого: нынче спрос на лысых,
А завтра их и близко не найдёшь...
Швыряя в ноги флаги и портреты
Как свой сезон отжившее тряпье,
Уходит мода...
Бедные поэты -
Кумиры и поклонники ее...

***

Где-то втайне, в Казахстане,
На обочине земли,
Тихо вечность коротает
Речка с именем „Или“.
Эту речку я не встречу,
Даже если захочу:
Чересчур она далече,
День заверчен чересчур
Адресами, голосами,
Летней сутолокой дач,
Бельевыми парусами,
Полосами неудач.
Сплю, жую, треплю страницы -
Как с собою ни юли,
А из губ опять струится
Имя странное „Или“.
Или в детство я впадаю,
Цацкой новенькой звеня,
Или, может быть, впадает
Речка дальняя в меня?
Или с детства крепко били,
Но не гнули до земли. -
Вот и весело, что в мире,
Что стоит на „или-или“ -
Речка с именем „Или“...

***

Эх, мальчишки, смешные люди -
Ждут у школы... (И как тут быть?..)
Не всегда потому, что любят -
Потому что пора любить...
И, попробуй, сдержи их натиск:
Навсегда? -Утвержают: „Да!“

Врут, но сами того не знают,
Сами верят, что навсегда...
И готовы стоять до ночи
На доверенных им углах...
Мы, конечно, спешим не очень -
Притворяемся: все - в делах...
Так и этак закрутим чёлки,
Призадержимся там и тут...
Только ждут они не девчонок -
Что-то главное в жизни ждут...
А мужчины, с тоской и желчью
Приподняв над „Вечёркой“ взгляд,
О политике говорят -
А глазами глотают женщин...

***

Закройте мир, а я его открою,
Я подберу звенящие ключи:
Переберу и первые лучи,
И звёздные отмычки, и отрою
Глубинные подземные ключи.
Войду одна... На небо подышу
Как на стекло. И пальцем повожу...
И постою под ёлкой новогодней.
И уж, конечно, в гости приглашу
Не всех, кто в нём находится сегодня...

***

Когда я стану умирать,
(А умирать я буду всё же),
Не надо маяться и врать,
Но и не надо правды тоже...

Когда я стану умирать,
Отставьте бережную поступь:
Валяйте лучше в мяч играть -
А я тем временем опомнюсь!

Когда я стану умирать,
Рыдайте громче, домочадцы:
Пойму, как жаль меня терять -
И передумаю прощаться...

УРОК ТРУДА
(1962)

***

Ау-у-у!
А ульи гудят - что костры таёжные...
Не пчёлы - искры над ними кружатся...
И старый пасечник в куртке кожаной
Кряхтит и мёдом янтарным ужинает.
А рядом девочка, солнцем залитая,
Рыжая-рыжая, с глазами-пчёлками...
Но эти пчёлки - всего лишь на лето
И школьной чёлкой уже зачёркнуты...
А он без устали ей рассказывает
Про юность свою, про тайгу бедовую...
А внучка хлеб для него намазывает:
На рану чёрную - мазь медовую...
А мы, усталые после работы,
Жуём с удовольствием солнца сотовые,
И даже не знаем, что их нам сделали
И пчёлы, и пасечник, и эта девочка...

***

Жил-был один сапожник,
не слушал пересудов,
Их самой лучшей кожи
он сапоги тачал,
Бывало, вздорил с тёщей,
случалось, бил посуду,
А чаще в песню всю он
высвистывал печаль...
Согнувшись у окошка
до солнца брызг последних,
Он чёрным гуталином
не мазал белый свет.
Степенно вытрет руки
об кожаный передник,
Насолит и наперчит -
какой ни есть - обед.
Ходил в субботу в баню,
дарил конфеты детям,
И знал всех птиц в округе
по краскам голосов.
И, только умирая,
с усмешкою заметил,
Что, как босой родился,

так и умрёт босой...
Жил-был поэт напротив,
стихи в газету ляпал
Про таню в сарафане
и белую сирень,
Ходил в штиблетах модных,
снимал в сарае шляпу,
И клял поочерёдно
погоду и мигрень...
Писал о том, как любит,
и дальше - трали-вали,
И в паспорте хватало
его любви помет...
... В селе давно поэта
сапожником прозвали,
Никто не догадался,
что рядом жил - поэт...

***

Ну и шофер! Ну и дорога!
Ну и берёз обочный кросс!
Чернели спички, в пальцах дрогнув,
Не догорев до папирос...
А на спине пылала майка,
А он дорогу укрощал,
Словами, что не для бумаги,
Её ухабы устращал...
Она плутала круче, резче,
Но, опознав его едва,
Уже неслась ему навстречу,
Ломая ветви, синева!
О, скорость до изнеможенья,
Ты наказуема, увы...
Но сладко головокруженье
Ромашки возле головы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Нахваливали клубнику,
глядели в пустую миску,
А он согревал улыбкой
небо из под руки...
А небо не улыбалось -
оно провисало низко
И крепко сжимало тучи
в тяжелые кулаки...
А он повернулся круто,
за плечи потряс мальчишек:

„Ну вот, наконец-то вдоволь
землица дождя попьёт!“
И мы улыбались тоже,
пожалуй, усердно слишком -
Что сделаешь, мы не очень
тревожились за неё...
Как стало асфальта твёрже
потрескавшееся поле -
Мы чувствовали ногами,
мы знали не из газет.
Но если заладит ливень -
забудьте о волейболе,
И в лёгких палатках наших
насквозь протечёт брезент.
Мы потом поили землю,
(а он говорит: „землицу“),
Она нам вошла в ладони,
но гость - остаётся гость...
И, сузив глаза от дыма,
сурово глядел нам в лица
Хозяин, в землистых пальцах
лаская сухую горсть...
Потом усмехнулся горько:
„Что пляшете нынче? Твисты?
А батьки в начальстве ходят?..“
Но мы не вступали в спор.
И только хвастливый Борька,
заносчивый сын артиста,
До слёз покраснев, зачем-то
соврал, что отец - шофёр...

В КЛУБЕ

Горло сжало горечью -
И слеза.
Едкий дым махорочный
Ест глаза.
Не туманя сини их,
Звёзд в окне.
Разговоры сиплые,
„Да“ и „не“...
Васильки - созвездьями
На платках.
Хорошо, что вместе мы
И закат.
Что подкова месяца -
На реке.
Что старухи крестятся
В уголке.

В платьицах поношенных
Детвора
Сыплет как горошины
Со двора.
И жар-птицей -птичница,
И ещё
Ночь гнедая тычется
Мне в плечо...

АХ, КАКАЯ НЕХОРОШАЯ ДЕВОЧКА...
(1963 - 1964)

***

Ты послушай меня, Ялo -
Отраженье моё в стекле,
Раз уж нас на земле свело -
Не раскинуло по земле...
Раз уж каждой достался мак
И сухого вина бокал,
Раз уж имя дано мне - как
В „Королевстве кривых зеркал“.
Понимаешь, какой вопрос:
В чём же всё же смысл бытия?
Что ж ты, глупая, морщишь нос?
(Ох ты, господи, - ведь и я...)
И не надо кусать губу,
Стебель тоненький теребя...
Расспроси про мою судьбу...
(Я в ответ распрошу тебя.)
Нам друг друга теперь спасать
От наивностей и ехидств.
... Ты уходись стихи писать,
Я - какие-то там ихитс...

***

Топчу отражения фонарей.
Хочу прислониться к решётке сада,
Но вижу надпись: „Осторожно, окрашено!“
Милые люди! Спасибо вам -
У меня пальто цвета спелого солнца
И я не хочу, чтобы у мамы был инфаркт...

Иду дальше, дальше - забор.

Заборы - для того, чтобы через них лазать...
Но вижу надпись: „Осторожно, злая собака!“
Милые люди! Спасибо вам -
Мне совсем не хотелось попасть к ней в зубы.
Есть более современные способы самоубийства.

Милые люди! Посоветуйте мне,
Куда мне пойти сегодня вечером. -
У меня есть билеты на две лекции:
„Собака - друг человека“ и
„Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты“.
Я не знаю, куда бы мне присобачиться...

Но хватит стоять на месте,
Даже если здесь зарыта собака...
Посмотрите, какое чудесное сегодня небо:
Алое, как задний фасад макаки.
(Почему-то хочется его лизнуть...)

Вы слышите меня, люди,
Шестнадцатилетние люди?
Вы слышите меня, мальчики,
Шестнадцатилетние мальчики,
Которым бы только девочек -
за талии - и так далее..
Вы слышите меня, девочки,
Шестнадцатилетние девочки,
Надломленные, как веточки,
насмешливые, как жизнь...

Вы слышите меня? Слушайте.
Вы верите мне? Поверьте мне,
Ведь я всегда говорю только правду -
Как ленинградское бюро погоды...

БАЛЛАДА О ВЕЧЕРНЕМ ГОРОДЕ

Вечер в окошко ластится...
Ложись без меня, мама!
Катапультирует лестница
Меня на улицу прямо!
Жара ли, мороз ли щёлкает -
Не холодно мне, не жарко.
Автобусы краснощёкие
Выкатили фары.
А я хохочу громко -
Весело мне сегодня!
Подъезд моего дома
Очки-фонари приподнял.
А я хохочу громом,

Одна хохочу хором
Над небом, над звёздным гримом,
Над вспыльчивым светофором!
Он злым был, кроваво-красным,
А стал наивно-зелёным...
Ну что же, раз так - прекрасно:
И я буду хамелеоном!
Дома как домны огромны,
Пылают окна: „Лови её!“
А я хохочу громко,
Я - лавирую...
Змеюсь по улице пыльной,
Смеюсь, будто бью блюдца.
Сдаются слабые сильным,
Но хитрые - не сдаются.
С причала правды уходит
На ложь моя переправа...
Возьму в себя всё плохое -
В хорошее - переплавлю.
А вечер тасует звёзды,
Бездомно в Неве ночует.
До слёз, или же сквозь слёзы,
Но снова захохочу я...
А сердце мне греет ласка
Ладонью листвы печальной.
Мне очень нравятся сказки -
Оно хорошо кончаются...

БАЛЛАДА О НОЧНОМ ГОРОДЕ

Одиннадцать...
Двенадцать...
Час...
Замки трудятся...
Последним трамваем кровоточа,
Почернела улица.
Фонари
с темнотой выходят на ринг
Ради звёздного жемчуга.
Плывут в аквариумах витрин
Батоны...
Женщины...
Шаги в асфальт -
как мяч в стекло...
Голова кружится...
Кажется, из глаз потекло -
Лужица...
Выполз из парадной
и взвыл

Пьяница...
Кажется, четверг был...
Пятница.

БА*ЛЛАДА ОБ УТРЕННЕМ ГОРОДЕ*

Тише, утренних улиц бог -
Вездесущий трамвай гремящий...
Куклу в платьице голубом -
Я печаль свою нынче нянчу.
Уж качать бы пора кончать,
Убаюкивать громом - тоже...
Но люблю я свою печаль
Больше мороженного.
Берегу ее, стерегу
Как своё гнездо - перепёлки.
Почему же весенний гул
Наповал попал в перепонки?
То в огонь - то от огня,
Я сама для себя - шарада:
Вверх подкидывая меня,
Мной жонглируют грусть и радость.
Звуки хлынули в тишину...
И девчонка чернее галки
На углу продаёт весну,
Зашифрованную в фиалки...
Гладит пальцами лепесток
(Не сорви его, резкий ветер!)
А самой ей никто цветов
Никогда не дарил на свете...
Вся в лучах и цветах земля!
Дорогие мои прохожие!
Вы до жалости все хорошие,
Даже школьные учителя...
Вы мне - как волна кораблю,
Как пронзительность неба - чайке!
Я вас очень, очень люблю!
Даже больше своей мочалки...
Синих улиц ракетный взлёт
И палящего солнца груды.
... Я впадаю в солнцеворот,
Хоть начало беру из грусти...

***

Не бокалы звенят -
Это ночь рассыпает мелодии...
Не вино, а закат,
Обжигает мне губы.

Им становится весело - и они поют
Что-то очень грустное,
От чего все начинают смеяться...

А догадливый мальчик
Подносит бутылку к моей рюмке
И улыбается:
„До дна, за любовь!“
Разве я могу отказаться?
За любовь? Конечно!
(Впрочем, не всё ли равно, за что...)

А потом пластинки,
Свернувшись чёрными котятами,
Начинают жалобно мурлыкать песенки;
И в раскаленные квадраты паркета
Мы заколачиваем свои „гвоздики“...

В полумраке комнаты
Яблочный свет
Разбрасывает торшер
В радиусе три шага,
А в окно откровенно глядит звезда...
Почему-то мне страшно
Прислониться к ней лбом,
Может быть потому,
Что она такая чистая...

***

Космос - это не только то,
Что выше,
Что горит по ночам звездой
Над крышей.
Космос - всюду, он - мой и твой.
Глазами
Как ракетами ты в него
Вонзайся!
Ищут космос в любви, в сердцах,
В работе...
А поняв его до конца -
Уходят...
В руковички - снежинки. Ах,
Морозно.
Неужели в одних губах
Наш космос?..

***

Так будет - и никуда не денешься:
Семейной жизни порядок прост...
Конечно, сразу же встанет денежный,
Или какой-то другой вопрос.
Куплю я себе халат фланелевый,
В помпонах шлепанцы и трюмо.
Управившись к полудню с постелями,
Перелистаю журналы мод.
Из сердца, как поезда от станции,
Уйдут о счастьи мои слова.
И в жизни радость одна станется -
Кровать двухспальная в кружевах...
Ах, где ты, где, заводила, лыжница,
В простор влюблённая егоза...
К чему мне небо, когда яичница
Со сковородки - солнцем в глаза!
А вечером - не хулиган, не пьяница,
И человек неплохой - мой муж
С работы тихий, усталый явится,
И я обед принесу ему.
А он уткнётся в газеты свежие,
Названья новых найдет планет...
Что мне планеты...
Зевну невежливо -
Из них не сваришь ему обед...
Я буду после обеда каждого
Одни и те же твердить слова:
„Ты меня любишь?“ сурово спрашивать,
И сочно в лысину целовать.
Он будет любить, и даже не меньше,
Но любовью, не похожей на прежнюю, ту...
Так любят уютные и удобные вещи:
Диван или газовую плиту...

***

Ключ
хрустнул
три
раза...
Но,
но,
но
Как будто ножом
по тарелке лязгнули-
Ошпарил озноб...
Алое волненье
щёки стелет...
Дрожь,
вверх

лезь!
Приковало к постели
Что-то похожее на болезнь...
На стене картина
или маятник? -
Вперед - назад...
Не надо маяться...
Зажмурь глаза...
Губ не погастить
никаким пожарным,
Сердце
бьётся
часто...
До бессилья жутко...
До безумья жарко...
Счастье...
Ключ
хрустнул
три
раза...
Зыбко...
Зыбко...
Зыбко...
Но об этом рассказывать -
Всё равно что пилой -
играть на скрипке...

***

Мама стонала под ледяным компрессом,
Папа и шлепанцы вылетали из комнаты,
Как будто они играли в чехарду,
А кочерга задыхалась под шкафом
И простуженно грохотала...
Я выкорчевывала диван из паркета,
А там насмехались три копейки -
Стакан воды с лимонным сиропом...
В лесу я ворошила праздничные брусничины,
Топорищем руки разрубала влюбленные ветки,
Я перебрала звезды, все, до ягодки,
И процеживала небо сквозь пальцы до капли.
Подушка соскучалась по моей горячей щеке,
А я похлопывала ее по плечу: ничего, потерпишь,
И взбивала сугробы как подушки.
И когда сердце накалилось до безумия,
Голова трещала: вот-вот взорвётся,
Мне захотелось сесть за прохладный письменный стол
И грызть рафинад науки...
(Со стены чутко смотрел Лобачевский -
Ничего, что он математик -

Тоже всё-таки человек...)
А потом ладони от земли пожелтели
Как листья клена - от осени.
Они стали такими шершавыми и колючими,
Что морозная вода в них съёживалась.
Я уже забыла о тех безнадежных поисках -
И вдруг стихи засверкали
Ниагарским водопадом!

***

М.К.

Друзья нам в жизни нужны везде -
Как небо...
И ты придумал себе друзей,
Которых не было.

Они меняли цвета легко -
Как небо...
И ты придумал себе врагов,
Которых не было.

Смешались вместе и жизнь, и сон,
И небо...
И был экватор, а полюсов
Не было.

Горел ты синим огнём тоски -
Как небо...
И ты придумал тогда стихи.
Лучше бы их не было...

ШВЕЙЦАР

Из-за усищ - как таракан,
До пьяных арий
Старик у входа в ресторан
Царит - швейцарит.

Нет у него других забот,
Чем - словно внучку -
Дверь осторожно взад - вперёд
Водить за ручку.

И как в насмешку злую он
В мундир наряжен:
Без орденов и без погон

Стоит на страже.

Как странно выглядит щвейцар
В смурном народе:
То - как на пенсии гусар,
То - пленнный вроде...

И эта милостня на чай,
И блеск мундира...
... Я со швейцарского печаль
Переводила...

ФИЛОСОПУСЫ
(1963 - 1964)

***

Дирижеры - как пингвины,
А планеты половины -
Гулливеровы очки...
Всё чуть-чуть на всё похоже,
И такой восторг по коже,
Что испишешь все клочки!

Но сначала можно - стены,
И обои постепенно,
И тетради, даже те,
Что с таблицей умноженья.
И такое в пальцах жженье -
Как от водки в животе!..

ПАРАЛИЧ

Секунду здесь помедлит электричка -
Платформы от подошв не горячи.
Живёт мальчишка, худенький, как спичка,
На остановке мартовской - „Ручьи“.
Ручьи - до них всего ступенек двадцать,
А птицы - только руку протяни...
Но можно лишь на локте приподняться -
И снова рухнуть в холод простыни.
И рассуждать о времени крылатом,
Надвинув одеяло до плеча,
С самим собой и сгорбленным халатом
Вполоборота севшего врача,

Который снова скажет, что полезны
Еда и сон. И стряхивает ртуть
Как мысль о том, что нам в лицо болезни -
Как в будущее - страшно заглянуть...

***

Сперва металась вкруг земного шара,
Волненьем неосознанным пьяна;
Потом к груди его припала шало
Ещё зеленоглазая - Весна!
Она дышала чисто и глубинно,
И он в ответ поверхностно расцвёл...
И что с того, что, может быть, сглупила,
Ввязавшись в торопливое родство;
И что с того, что ломкий первый почерк
Затянет осень в грязный водосток,
Когда сейчас трепещет и лопочет
Её пугливый первенец - листок...

ТВОРЦЫ

Двадцатый век. Простор какой им!
Они шумят, они коптят,
И мир , где мы снимаем койки,
Переставляют, как хотят...
В своем гореньи - как в гареме,
Галантно-голые до пят,
Они сгниют от гонореи,
Но с каждой музой переспят.
Потом шаманят злы и грустны
Над белым сполохом холста...
Но так рождаются в искусстве
И правота, и чистота.

***

Плескалось „до“ - до-мой... до-мой...
Мажорно и желанно,
Пока не смолкло за кормой
Дыханье океана.

Теплы пожатия, пока
У хриплого крылечка
Других не вспомнила рука -
Морёная дощечка.

Воспеть бы этот щедрый мир,
Сумбур воды и суши,
Но как забыть, что мы - на миг...
Спасите наши души!..

***

Все спешу куда-то по привычке,
Трудно попадаю в рукава.
Промелькнёт в метели электричка -
Будто прошлогодняя трава...
И на лунно-снежном перекрёстке
(Вероломной памяти привет)
Вспыхнут вдруг продрогшие берёзки -
Как фонтаны, солнцем - напросвет!
И замрёшь, застынешь сходу, с пыла
В пальцах снег задумчиво сминать.
И куда спешить - всё это было...
Дальше жить - как будто вспоминать...

***

Давай присядем, как заведено
За много бед до нашего рожденья,
И будем,как приказ о награжденьи,
Читать заиндивелое окно...
Обычное, из тех же самых строк,
Которые нас прежде не касались
И, равнодушно скомканы, бросались
В гудящий, как времянка, солнцепёк...
Присядем на разбросанных вещах,
Друг друга понимая с полувзгляда.
Мы заслужили высшую награду -
Минуту молчаливого „Прощай“...
Уйдёшь в себя, а я уйду домой,
И на душе - безжизненно и блёкло.
И ночь на поздравительные стёкла
Уже струится траурной каймой...

***

Мне говорить об этом не пристало,
И не с кем, и не хочется ни с кем:
Поэзия - петля над пьедесталом
И робкая росинка на листке...

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ (1963)

***

Как заслонку память приоткроешь -
Сразу губ оттают уголки...
Мне казались островом сокровищ
За железной дверкой угольки.
Белый айсберг - кафельная печка.
Завитки морозного стекла...
Хоть бы раз проснуться так беспечно,
С ожиданьем чуда и тепла...
И увидеть в узенькие щёлки
Яблока румяные бока,
И- с мороза - яблочные щёки
Мамы, запыхавшейся слегка...
Прижиматься к яблоку щекою...
Торопить огонь... Не думать впредь...
И не ведать, счастье-то какое
Догорает, чтобы долго греть...

***

По воскресеньям - по музеям
(По расписанию отца)...
В одном - на крейсеры глазеем,
В другом - на чучело скворца.
Там - золотятся эполеты,
А тут - химический состав...
... И вижу я во сне скелеты,
От разных сведений устав.
Они на площади Дворцовой
Штурмуют мамонта в кругу...
И я тянусь к руке отцовой,
И дотянуться не могу...
Слепят костры и стонет мамонт,
И давят задние вперёд...
... И завтра снова скажет мама,
Что от моих ночных кошмаров
Скорее мамонтов умрет...
А я её поправлю: „Вымрешь“...

***

Дрожит недоверчивая и гордая
Озябшая тополиная ветка

В обычной бутылке с отбитым горлышком
И розовым яблоком на этикетке.
Согреется - и начнёт хорошеть,
Разожмёт кулачки удивлённо :
А в них - листочки, как леденцы „дюшес“,
Липкие и зелёные...
На стекле ветвятся морозные линии,
Но окно двойное законопачено...
... Конопатый друг мой, в каком ты инее?
Это ж начерно:
Осень, та, ну, в общем, ну та, которая
Тополь перелистывала не читая -
Как способный лодырь учебник истории...
Старая история... Непростая...
Помню, как ты шлёпал мокрыми кедами:
Что паркет сияющий - что тропинка в лес...
Щёлкал зло и громко орехи кедровые.
В спорах в бутылку лез...
В демократку прятал Джека Лондона,
Чтоб ни капли дождя на него не упало во дворе...
А глаза у тебя по-февральски холодные.
Я не сумела их отогреть...
Худенький и ломкий, где ты? Как ты?
Как твои нехитрые дела?
(Помнишь, ты хотел побрить мой кактус,
А я ощетинилась и не дала?..)
... Абажур оранжевый
солнцем корчит рожицу,
Ветку тополиную не достанут льды.
Ветка тополиная...
Что о ней тревожиться:
Ей вполне достаточно
комнатной воды...

СТРАНИЦЫ ПУШКИНСКИХ АЛЛЕЙ (1963 - 1964)

***

„Здравствуй, племя младое!“ -
Плакат над волнистым шоссе.
А пойдешь за за водою -
Спешат поздороваться все.
Год прощается с годом,
Но здравствует этот обряд.
И поэты с народом

Одним языком говорят...

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

Кони - в яблоках, ветер - огненный;
Жарь, бубенчиков пересмех!
Пусть испуганно бабы охают
И, крестясь, оседают в снег!
Щёки спелой брусникой вспыхнули,
Не догонит и окрик „Стой!“
И шарахнулись, как от выстрела,
Ёлки-палки - весь лес густой!
Так он хочет - Его Высочество
В рост Поэта на всём скаку.
Белоснежно ему хохочется!
Перемелется снег в муку.
Что ему в это утро алое,
Что прошенье вернуться - зря,
Что его не особо жалуют
Слюдяные глаза царя.
Если солнце сочней антоновки -
Царь прощен, Петербург забыт.
И вплетаются строчки звонкие
В раскалённую дробь копыт...

ДУБ УЕДИНЕННЫЙ

Не отшельник с душой угрюмою -
Разлохмачена солнцем крона...
Отчего же такой он - думаю -
Шелестящий уединённо?
И увижу, как листья морщатся
И чернеют черновиками...
Одиночество - это творчество.
Не тревожьте его шагами...

ПУШКИНСКИЙ БИЛЛИАРД

Биллиарды - все такие,
Все, наперечёт.
Отчего ж смотрю на кий я -
Будто на смычок?..
И волненье щёки шпарит,
И не всё равно...
Вот - потрескавшийся шарик.
Стёртое сукно.
Не игра и не игрушка,

Скрип и тишина...
И музейная старушка
Приумолкла у окна...

В ПЕТРОВСКОМ ПАРКЕ

Эти липы сажал Ганнибал.
(Как сказала намедни Маланья:
„Здесь он девок дворовых е...л,
В чем и вам изъявляю желанье...“)

В этом парке, дремучем, как лес -
Ветви - как триумфальные арки.
Даже карлики здесь - до небес,
В деревенском заброшенном парке.

Здесь пасётся костлявый козёл -
Управляющий барской усадьбой,
И случайные блики озёр
Освещают минутные свадьбы...

Здесь по праздникам крутят кино,
Учат семечки сплёвывать длинно -
И даётся учение ...
Но -
Воздух парка, сырой и старинный...

УТРОМ, ПОСЛЕ ПЕТРОВА ДНЯ

Петух Гезенго прокричал „Ку-ка-ре-ку!“,
Букетом перьев перед курами фасоня, -
И разбудил рассвет, деревню и строку...
(Луна в зобу застряла склёванной фасолью)
И потянулся, облизнулся чёрный кот,
И на порог нанёс визит по зову: „Чёмбе!“,
Мычал хозяин, содрогаясь от икот,
Над кислым квасом пригорюнившись.
О чём бы?..
И мухи завтракать слетелись на коров,
В которых рёбра проступили частоколом...
И нищий день, уже тверёзый - не Петров,
Гремел ведром и льнул крапивой
к пяткам голым.

***

Тишина... Ни где не скрипнит ставня,

Ветка не шелохнется нигде.
Только щуки сильными хвостами
Изредка ударят по воде.
Да висит над озером Кучане
Вертолёт гремушкой подвесной...
... Мы Ему не слишком докучаем,
Мы Его обходим стороной,
Утоляя кислой лунной долькой
Жажду света с привкусом вины...
И глядит Калашникова Ольга
На меня из чистой глубины...
Да шуршит песчаный долгий берег,
Приглашая каждою сосной
Утонуть в любви твоей, робея,
И с отвагой девки крепостной!
Подчиниться сумеркам и праву,
И поплыть - уже над Маленцом -
Хоть в бесславье, хоть в дурную славу
С бесрассудно радостным лицом...

ТРИ СОСНЫ

Три сосны - как мы с тобой
И твоя жена:
Мы с тобой - одной тропой,
Поодаль - она...

Три сосны - как мы с тобой
И жена твоя:
С нею ты - одной судьбой,
И в сторонке - я...

ПУШКИН И КЕРН

1

Его толкали, обнимали,
Он ничего не замечал.
Он видел в зеркале рояля
Как лиру - линию плеча...
Опять Она... Опять фатально...
Опять смертельно и шутя
Влюблен в гостиной на Фонтанке
Повеса, гений и дитя.
Метелит бальная погода,
Заносит в дерзости опять...
Ещё до Юга - больше года.
И до Михайловского - пять...

2

Потом смотрел почти спокойно
На приоткрытое плечо...
Потом арапской масти кони
Раздули ноздри горячо...
Адье, салонное позёрство
И платьев трепетных пурга -
На шаловливую позёмку
Свалились тяжкие снега...
И тешит светом серебристым
Уже не люстра, а луна,
Хотя ещё по декабристам
Звонить не начала она...
Ещё запястья их сковали
Манжеты, а не кандалы,
А он уже в пути...
Едва ли
Мечты о будущем светлы.

3

Переложить на тяжесть трости
И тяжесть изгнанной души...
Он ходит к Осиповым в гости,
Французским балуясь в глуши.
Течёт брусничная водица.
Не стынет яблочный пирог.
И новый снег заносит лица
Далёких женщин...
И порог...
Что день - что месяц - одинаков.
Столица творчества - и глушь.
А ночь смеялась черным лаком
И разливала лунный пунш!
И он застыл на полуслове,
И в пальцах дрогнула свеча:
Откуда здесь - надменный профиль,
Как лира - линия плеча?

4

Аннет - как нет...
Зизи, потише!
Что это, сказка или быль?
С крыла рояля фирмы „Тышнер“
Как будто вдруг смахнули пыль...
Как неожиданно и странно:
Луна и пруд... Она и он...
О, как продлить мгновенье, Анна!
Вечерний звон... Печальный звон...
Поскольку встреча и прощанье -
Мгновенье чудное одно,
Ему ли верить в обещанья -

Давал и сам... И не одно...

5

Пусть губы стонут, очи стынут,
И в сердце - ноющая боль,
Поэту жаловаться стыдно
На безответную любовь...
Звенели по снегу полозья,
И становилось веселей,
И линовали тени сосен
Страницы чистые аллей
Не для неё...
Она оценит
Не грустный воск луны и свеч.
Она объявится на сцене -
Живая подлинная вещь...
Опишет юных строк рожденье
В морщинах дряблая рука...
... Век - мимолетное виденье,
Мгновенье Гения - века...

СТАПЕЛЯ
(1964 - 1965)

РАМКА

Задраены окна в кающе,
Задёрнуто небо волной.
В её лаконичном уюте
Ни черточки нет ни одной
Излишней, привычной, домашней
(А взгляд почему-то устал...)
Салфетки, флаконы, ромашки
Не впишутся в строгий металл.
Но, кажется, что-то скользнуло,
Как солнечный луч,по спине;
Ещё не согрело - кольнуло,
А пенный букет на волне
Расцвёл, - и нахлынуло лето...
И всё по причине простой:
Ещё не лучилось портрета
Над койкою в рамке пустой,
Но, видно, конструктор какой-то,
Наверное, после гудка,
Присел на железную койку
И понял тоску моряка...

***

Не спеши, бригадир,
осторожно спускайся по трапу :
На февральском ветру -
в ледяной облицовке канат...
Да простит нормировщик
рабочего времени трату -
Мы тебя подождём,
только ты не скользи наугад...
Запеклась на спине
жестяная почти что спецовка,
Ватник сваркой прожжён -
словно пулей шальной на груди.
Не спеши, бригадир,
и плавучий завод,
и концовка,
И верёвочный трап, капитан,
убирать погоди...
Вот простимся в метро,
и тогда - по велению трапа...
Не спеши, бригадир -
мы ещё не коснулись земли...
И как будто война,
а не глупая пьяная драка
Подложила тебе
под крутое плечо
костыли...

***

Рассудка с чувством тесное соседство
Тревожит мысли, нервы и слова.
И на затменье собственного сердца
Со стороны взирает голова...
О, тёмный космос мудрости и страсти,
Мы всё ещё копаемся внизу...
Смешно и страшно, что не в нашей власти,
Смахнув, - постичь внезапную слезу,
Когда выносит к лунному причалу
Из суеты неоновых огней.
И все концы опять ведут к началу,
Как тупики - к прохладе пристаней...

***

Мужественные женщины - самые слабые.
Самые беззаветные. Самые беззащитные.
Ни для кого не главные, умные и нескладные,
Комкают в одиночестве железы щитовидные...
Лица их - как булыжники: твёрдые и бесцветные.
Воротнички высокие. Низкие баритоны.
Им не идут кулоны, розы, и даже веники,
Очень им соответствуют
кульманы и протоны.
Мужественные женщины
любят часы мужские,
И большие портфели, и жакеты поношенные,
И сочуственно слушают,
как страдают другие,
А другие охотно страдают у их подножий.
Выплакивают обиды на занятость и на родственников,
Советуются: жениться или пока не стоит?
И мужественная женщина,
вздохнув, берёт папиросу,
И говорит: „Жениться“,
и кресло под ней стонет...
Потом домой отправляется.
Монументальная.
Важная.
Пешком.
По свежему воздуху.
Вспоминая, сколько ей лет...
И долго -
как можно дольше -
вставляет в замочную скважину
Единственный ключ от комнаты,
холодный,
как пистолет...

Школа Рабочей Молодежи

ШРМ -
Школа Ребячливой Молодёжи,
уставшей на своих заводах и фабриках
не столько от перерасхода сил,
сколько от недостачи детства...
ШРМ -
ШуРуМ-бурум на последней парте,
за которой все спят по очереди -
старший мастер из какого-то „ящика“
запустил туда „птичку“...
ШРМ -

Школа Рационального Минимума:
на уроке физики с лёгкостью отвечаю,
что объем тела равен объему
вытесненной им жидкости,
а задач не решила,
так как проверяла закон в озере...
ШРМ -
Школа Работающих Мам.
К одной из них, беззвучной и бесцветной -
как без возраста,
в первую перемену всегда приходит сын:
уточнить, где лежит колбаса
и подсказать решение уравнения -
они это уже проходили...
ШРМ -
Школа Решительных Мнений.
Круглолицый и конопатый, как блин, парень,
популярно покрутив у виска пальцем,
объясняет учительнице истории,
что грани между городом и деревней
ещё не стёрты...
ШРМ -
Школа Разумных Мер.
Прогулявших, верней, загулявших
не выгоняют; наоборот, загоняют обратно...
Слишком старательных наказывают
лишением дополнительных занятий...
ШРМ -
Широкий РаЗмах среднего и ниже образования,
решение проблем досуга,
связанных с дефицитом посадочных мест
в кафе, цирке
и других увеселительных заведениях..
ШРМ -
Школа Разных Мыслей...
например, у директора ярко выраженная
водкобоязнь -
очевидно, он - алкоголик...
Пострескавшиеся руки женщины,
к которой в первую перемену приходит сын,
виновато отдыхают на учебнике химии
от щелочей в корыте...
Старший мастер, который выпустил „птичку“,
слушает натацию,
прикрыв ресницами растерянно-радостные глаза -
так слушают забытую
но когда-то любимую музыку...
Скорее всего, он одинок
и дома его никто не ругает...
ШРМ -
Школа Рабочей Молодежи...

КЛЕНОВЫЕ ФРЕСКИ (1964 - 1965)

***

Что это со мной?
До чего распоясались нервы:
Приснилась малина,
блеснуло озёр серебром,
И небо, июльское,
сочное, синее небо
В глазах завертелось
и встало на землю ребром.
И там, вдалеке,
где сошлись они - две половины,
Стоит горизонт -
будто небом оббитый диван...
... Мы друг перед другом
с тобою ни в чем не повинны,
И в горле горчат
повзрослевшие на год слова...
Ты думаешь, я
фигуряю в субботу на танцах,
Целуюсь в парадных
и прячу лицо в пиджаки,
А выпало мне
между стен безысходных метаться,
В холодных ладонях
горячие стиснув виски.
Ну ,что я, не знала,
что был этот вечер последним,
Что больше ни разу
не хрустнет серебряный ключ,
Ну, что я, не знала,
что есть и жена, и наследник -
Румяный крепыш,
твой единственный солнечный луч...
Да светится он
в этом мире, лишённом уюта,
Скупом на тепло
и обставленном как на века,
Где свадебным плачем
кото-то хоронят как будто,
Где руку мою
окольцует чужая рука...

***

Твои шаги ко мне - как лёгкий дождь,
Обратно - тяжелее, чем плутоний...
Плутай,
плутуй,
платонствуй...
А придёшь -
И головой в колени и в ладони.
И вновь сплетутся тени на стене,
Погасит ночь виски седые, луньи...
... А утром ты уйдешь к своей жене,
С своей судьбе, обманутой, и лгунье...

***

... Моя защита - и мои застенки,
За коими просторные края,
Где на камнях дождливого оттенка
Поблескивает рыбья чешуя...

Сорву замки, уйду, исчезну, кану
Туда, где волны,тихи и светлы,
Приподымаясь, падают на камни
И сглаживают острые углы.

И там врасту, непрошенной, красивой,
В сырой песок, нетоптанный, ничей.
О, сколько предстоит ещё осилить
Обманутых предчуствием ночей...

***

Если стали чужими -
Притворяться к чему?
Затянись - и скажи мне.
Не заплачу - пойму.
Кану профилем стёртым
На вчерашнем снегу...
А по зову - по стёклам
Босиком прибегу!

***

Наши руки рядом, но не дрогнут.
Наши губы каменно тверды.

Неужели с той весны так много
утекло воды?

Вьётся снег заласканно и сонно,
Как болонка, дышит на стекло.
Я не знаю, как воды, но солнца
много утекло...

То зачем-то ходишь, ходишь, ходишь,
То бумагу рвёшь карандашом,,,
Потолок бы рухнул или хоть бы
кто -нубудь вошел...

***

По осенним кленовым фрескам
Понимаю, что всё прошло,
Что напрасно я взмахом резким
Разделяла добро и зло...
И не легче, не веселее,
Но спокойнее как-то вдруг
Оттого, что еще взрослею,
Что у птиц - не последний круг...

ЯРМАРКА
(1965-1967)

ЯРМАРКА

Я - ярмарка.
Весёлая и яркая,
Где яблоки,
где яхонты,
где яства,
Где якори бросают все, кому
Чего-нибудь, как птице - неба, хочется,
Я - ярмарка,
Где деньги ни к чему,
Где ясени застенчивые топчутся.
Я - ярмарка,
Я пьяная от гомона,
Отплясываю пламенно и дробно!
Я - ярмарка,
Я пьяная от голода,
Отплясываю плачуще и скорбно...
Я - ярмарка,
А надо мною ястребы
Роятся будто пушечные ядра...
Но нет наивней должности, чем ярмарка,
Как нет стихов гуманнее, чем ямбы...
Я - ярмарка,
Я зычная язычница,
Я с ясель языкатая такая,
А то, что неприкаянная, зыбкая -
Не явствует за злыми ярлыками.
Пусть ярлыки меня изъели язвами,
(Язви их... Бьют - как ямщики коняг)
Но ягоды, наяренные ядом,
Не водятся в угодьях у меня.
Я - ярмарка,
Румяна как доярка я,
Я в яловых буяню на баяне!
Паясничаю,
Вырядясь в боярское
И тешась петушиными боями.
Я - ярмарка,
я - ярмарка,
я - ярмарка,

Отъявленно
отравленная

ярким...
Мне б всё забыть,
и снова всё начать,
Не с января,
а с первого Апреля...
Всем яровым, чтоб вовремя сопрели,
Мне “Я“ своё, закаясь, завещать...
Но ярмарка я,
ярмарка я,
ярмарка,
Судьба моя -
приклеенная марка...
Я - ярмарка,
Мне этого бояться,
Мне это, как ярмо, всю жизнь нести.
От „А“ до „Я“ был путь мой мой Анти -Ясным...
От “Я“ до “А“
отрезаны пути.

ВРИФМЫ И ВРИТМЫ (1965-1967)

***

Протикало всего 17 лет:
Всё впереди: и радость, и усталость
(А Лермонтову десять зим осталось,
И сколько мук, и пара эполет,
И как барьер - собранье сочинений...)

Протикало 17 лет уже -
С тех пор, как длинных лун грызу початки,
Друзей теряю, время и перчатки...
(Но Лев Толстой давал созреть душе -
Нескоро сжал собранье сочинений)

Не угадаешь возраст роковой...
(Стреляли в мысли... Мышцы ослабели...)
И первая звезда над колыбелью -
Как первый гвоздь над гранью гробовой...
Под кожей всех - собранья сочинений...

БУНТ РОЯЛЕЙ

Стихает... Стекает звёздная ртуть
По черным деленья берез...

(У Земли сегодня низкая температура...
Кружится - вьюжится - голова, знобит
ветви... Не согревает ватное небо, не
помогает озона микстура. Ослабевает моя
планета... Да и как же ей не ослабнуть,
когда взвалили на неё непосильную ношу -
столько январских снегов...)

Бредут рояли в снегу по грудь
От тех, кто их не берёг.

(Ты когда-нибудь видел, как уходят рояли?
Роялист, ты когда-нибудь это видел?
Ох, едва ли... Переставляют тяжелые ноги,
валят ломкие деревца... Не потому,
что злы от природы - потому, что злы от
обиды... Ослепительно злы в обиде...
До конца...
Ты когда-нибудь видел, как покупают
рояли? Смотрят зубы, потом обуздывают,
и бьют десятью хлыстами - на свои покупали...)

И вот, расстроенные, - когда
Вконец надоест игра,
Рояли, вытерпев ДО... - в стада
Сойдутся - пришла пора
Не сокрушаться, а сокрушать
Деревья, людей, дома,
Свободно и тяжело дышать,
От жажды сходя с ума...
Белеют зубы, крыла черны -
Окраска под снег и ночь -
Пегасы музыки топчут сны
И землю... И как помочь?

(Земля лойяльна - она бы рада помочь
роялям, но бессильна: поди угонись за
фабрикой коммунистического труда, вы-
пускающей табуны роялей... Хоть разор-
вись она, - не родить ей столько
Чайковских... И , к тому же, немолода, и
без мужа... Вьюжится - кружится - голова,
спазмы в синих набухших ветках... Боль
в затылке - идут рояли...)

Звериной, мёрзлой, рваной тропой,

Проламывая льдины,
Бредут рояи на водопой
К озеру Лебединому...

ПОЛНОЧНОЕ ПОЛО

Полночь, полная полыни,
В поле волнами отхлынет,
Полонёна половиной
Полувидной полувинной
Сочного сонного
Солнца невесомого.

Просто всё, не думать если,
Если просто жать на вёсла,
Перекатывая песню
По волнистым вольным вёрстам...
(Позавидуешь забитым,
Забинтованным заботой
О заборах, о повидлах,
Остающимся за бортом,
Отстающим от саженей
Лет,налепленных нелепо,
Не черневшим от сожжений,
Очерствевшим в чёткий слепок...)

Но хочу, пускай виновной,
И наказанной условной
Жизнью в буквах...
(Сердце - будто
Сердцевину - точат буквы),
Песню пествовать годами,
Собирая по росинке,
Не выгадывать, гадая
Про себя и про Россию,
Не пленяться половиной
Полувидной полувинной
Сочного сонного
Солнца невесомого...

Точка. С кухни запах луков.
Отдаю стихи в печать.
И зачем я лёгкость звуков
Стану мыслью отягчать?..

***

Снегу хворается,
Снегу недужится...

Всё же тужить о нём
Нужно едва ль:
Вот он уже воплощается в лужицы,
В лужицах кружевом
Пенистым кружится,
И превращается
Имя Февраль
К чуду впридачу
В чудачество-отчество,
Но не получится вслух
И не хочется
Мартом Февралычем
Выкликнуть март...
Дом почерневший
Корчуется дочиста -
Время иное,
И новое зодчество...
Так почему же -
Полозьями нарт -
Лозы скрежещут
По облаку снежному?
Старое бремя
Желаннее нешто мне?
Оттепель, зонтики,
Ботики - вброд...
На тебе - вот тебе -
Круговорот...
Трудно прислушаться
К логике сторицы:
Что-то разрушится -
Что построится...
...Что-то весна нынче
С целыми уймами
Всяких сумбуров,
Догадок и тождеств...
И осыпает панель поцелуями
Североглазый восторженный дождик!

***

ССУТУЛИШЬСЯ - И В РАННИХ УЛИЦ ВАТМАН
ВРИСУЕШЬСЯ, КАК ТУШЬЮ НАНЕСЕН...

(О, кто в ночной небесной готовальне
Нашёл рейсфедер по стальному блеску
И, все законы чертежей нарушив,
Занёс твою фигурку в план квартала,

ГДЕ ФОНАРИ, ПРОДРОГШИЕ НА ВАХТЕ,
СВЕТИЛИ - БУДТО БРЕДИЛИ СКВОЗЬ СОН?)

ПОДКЛЮЧАТ СОЛНЦЕ, ОБНАРУЖИВ ГРАЖДАН
ЕЖЕМИНУТНЫЙ УТРЕННИЙ ПРИРОСТ...

(Дневная жизнь - не графика, а масло:
Вот - сливочным написанный ребенок,
А папа - шоколадным, - видно, с юга...
Смотри на масло издали, ценитель...)

И ЖДИ, КОГДА КИОСК НАЧНЁТ ПРОДАЖУ
СОЛОМИНОК СПАСЕНЬЯ - ПАПИРОС...

***

Убегу от газет и друзей
Вдруг
Как в другое столетье, в музей -
В луг.

Слава Богу, цветы пока что есть,
И корова жуёт пока,
Вся пятнистая и бокастая,
Как планета - издалека!
Слава Богу, мычит и телится,
И вздыхает в тиши ночей...
Шепеляво лопочет деревце,
И картавит у ног ручей...

Но всё ближе - такая пора,
Внук -
Серп и молот, и топора
Стук...

***

Блуждающие звезды -
Эпитет или термин?
Не знаю, и признаюсь: дознанья не веду.
Почёт, наверно, воздан
Уже и этой теме,
А мне одну, хотя бы - приблудную звезду...

Чтоб не было так пусто,
Что может показаться,
Что ночь - не время суток, а зрение души.
Чтоб снег хрустел капустно -
Как будто рядом зайцы,
Хотя откуда зайцы в придуманной глуши?

Хотя и так бывало -
Ушастые событья...
Но мне звезду хотя бы, всходящую на мост.
А по ночным бульварам
Блуждать ли ей, блудить ли -
Не знаю, это дело филологов и звёзд...

***

Листья первые чуть горчат
На губах, остужая крик.
Так, прощаясь, глаза горчат,
Если к ним губами - на миг...
Только первые листья глаз,
Только в первый раз,
Где ни мудрых, ни пошлых фраз,
Как потом не раз...
Наступает какой-то час...
Голубые значки в окне...
Наступает какой-то час
На горло мне. -
О, ночь телефона черней,
Но еще не поздно:
В ночи, телефона черней,
Набери мой номер по звёздам...
Нет, не надо, не набирай -
Не вдохнешь в провода судьбу...
И не надо, не навирай,
Закуси губу...
Если больно - считай, что жив
И светла грусть...
...Телефон уснул, положив
Трубку на грудь.

РИФМА

Ничего я не изображаю -
Просто звуком звуку подражаю,
Подтверждаю или возражаю,
Даже если не соображаю.
Звуки в небе плещутся стрижами,
И в ладошку тычутся ежами,
И во мгле маячат миражами,
Грудь сосут, как будто их рожали...
Я их только к речи приближаю,
На плоты бумажные сажаю,
А потом уже воображаю,
Что как будто что-то выражаю...

Как жужжат назойливые звуки...

***

Я, скорее всего, как всегда, неправа
(Разберется карающий меч...)
И, наверное, будет моя голова
Проживать автономно от плеч,
Но опять за никчемную тему берусь:
(Этот вечер её причинил)
Здравствуй, высохший город по имени Грусть
И беспомощный дождик чернил,
И наивный, смешной посреди скоростей,
Неприметный комок воробья
На тугих проводах телеграфных вестей -
Будто нота протеста моя...

***

У меня в руках Италия,
приплывшая на авось
В звонких оранжевых амфорах -
словно в бочонках солица
С чёрными ромбиками наклеек.
Кажется, что под снежной извёсткой
На ослепительных стенках сосудов
как на древних монетах
Проступают гордые римские профили
Сквозь параллели и меридианы авоськи,
Которая у меня в руках...

А гражданка в синтетической шубе
Спрашивает наповал:
„Почем апельсины?“...

***

Взяты окна в дрова да в сырость.
Чай, других не нашлось на складе?
Вся-то фауна вместе с флорой -
Чахлый кустик да толстый дворник...

У меня заблужденье с детства:
Дом, конечно, - какой достался,
Заменять же по вкусу окна
Долго, нешто, - раз не меняют?

Я пробила бы их сквозь крышу,
Застеклила бы как веранду,
Как в пробирках - растворов свадьбы,
Так текли бы цветные тучи

И снега, и дожди, и птицы -
Маскарад ошалевших красок...
И сникать при таком пейзаже
Кто бы рад - но поди, попробуй...

Починю - залатаю стену,
К распродаже стекла - на рынок!
Почему б не пробить мне крышу,
Раз я даже рифмую слева...

***

У каждого человека
есть своя улица
Не так, как своя „Волга“
или своя дача.
Ведь площади и жилплощадь -
совсем не одно и то же.
Так здравствуй (вовеки здравствуй),
улица воспоминаний...
Скверик - наш скверный садик -
больше похож на веник,
Но где мы еще ломали
радугу об колено?
Лишь на стене обшарпанной
все имена - с плюсом,
Дальше - незримый минус:
дальше - страна разлуки...
Улица Воспоминаний...
У лица - воск поминаний...
По ней необязательно
всё время ходить:
Её можно носить с собой -
Она как лента кинохроники,
намотанная на катушку сердца.
Улица Твоего Солнца...

ДОРОЖНОЕ

Ну какая разница,
мёртвы иди живы
В евином наряде
или в шелках?
Все мы - попутчики,
все - пассажиры
Как на ветках рельсовых-
на веках.
Всё равно мы сходим
(понят - не понят...)

На своих станциях
белых и чёрных.
Может, не заметят,
а может - вспомнят,
Щёлкнут ,что костяшками,
нами на счётах:
Были, мол, такие,
кампанейские,
Угощали водкой и тоской,
Подарили песен усталых
несколько...
Может - просто махнут рукой,
И багаж - в окно,
и уже - за тучами...
Упадёшь на рельсы,
рельса - нож...
Все мы - пассажиры,
все - попутчики,
С нами не соскучишься,
без нас не взгрустнёшь..
Мы смакуем
евины
яблоки
дольками,
И звенят на стыках
стаканы и сталь.
Ты струись, дорога!
Только бы...
Только бы...
Только бы
от поезда
не
отстать...

***

Надо разозлиться,
Надо бить по лицам,
Ослеплять как блицем
Лица кулаком,
Надо разозлиться,
Надо раскалиться,
Литься кипятком.

Надо быть жестокой,
Током, а не стоком,
Толом, а не тортом,
Желчью - не желтком.
Надо быть жестокой,
Надо быть жестьокой

Надо быть женою
Парня с кадыком.

В куртке из брезента,
Даже пусть приземист,
Даже пусть музеям
Предпочтёт шалман.
В куртке из брезента,
В куртке из везенья,
В куртке из презренья
К шубам и штормам.

Надо разозлиться,
Чтоб кварталам длиться
Чтоб рассветам литься
Из пустых бойниц.
Надо разозлиться,
Надо разозлиться,
Чтоб не застрелиться
Без твоих ресниц...

ХОББИ

Филателисты коллекционируют марки,
Нумизматы и скряги - деньги.
Дети собирают фантики,
Наверное, потому, что они вкусно пахнут -
сладкие воспоминания...
А вдовы - солдатские письма,
Перевязанные конфетной тесемкой...
И чего мы только не копим:
Этикетки со спичечных городков,
Пуговицы с пиджаков известных артистов...
А на днях меня познакомили с местным Ионычем,
И хотя на него - чехонтэ...
всё-таки интересно:
Он коллекционирует клизмы.
Оказывается, они бывают
со спичечную головку
И с купол Исаакиевского собора...
У него настоящий музей кака-клизм:
Около двухсот штук...
Писатели коллекционируют коллекционеров
И хвалебные рецензии на себя...

Скоро на земле нечего будет коллекционировать,
кроме бутылок...
.....
Только бы не Эльбрус из туфель
узниц Освенцима!..

АРЕНА

В гулкий купол,
достоверней антрацита
Имитирующий ночь в знобящих блёстках,
Как взметнулись акробаты с мотоцикла -
Так ни звука...
Только вздохи:
пара хлестких
И досадных,
и надсадных вздоха.
Даже:
Полувздоха -
полустона -
полувзрыва...
В переливчатом змеином трикотаже -
Три фигурки,
три кометы,
три порыва!
Силуэты из фольги и пластилина.
Акробаты, гастролёры из Берлина.
Акробоги - астробаты - акробаты!
Что же звёзды сикось-накось? -
аты-баты...
С креном свастик,
(аты-баты... аты-баты...)
Что не видели ни мы, ни акробаты...
Рядом - бати,
(аты-баты... аты-баты...)
Кто - без рук, а кто - без ног...
И акробаты...

АУ - КЦИОН...

Ау - зову - аукцион:
Последний мой аттракцион...

Предлагается письменный стол,
Прилагается долгий ящик.
Сколько?
Десять...
Двенадцать...
Сто! -
Сотни замыслов, здесь пропащих...

Сковородочка черноглазая,
Можно жариться или жарить;
Окна в небо, куда не лазаю -
Тем, кто хочет звезду нашарить...

Ау - зову - последний мой
Аукцион, последний май...

Вот платформа: ночная, голая,
Лунный конус - как вой волков;
Ровно сорок минут от города
И от счастья - сорок веков.

Не торгуясь и не упорствуя,
Всё, что нажито, отдаю -
Снег фарфоровый, и уборную,
И пресветлую жизнь свою...

Выносите добро!
Корытами!
Чемоданами!
Только - вон!
Продолжается бескорыстный мой,
Мой весёлый аукцион.

Что терять мне - лишь цепи цепкие
Да тяжелый похмельный чад...
Но стучат, подымая цену им,
Молотки
по вискам
стучат...

* * *

Приятели -
Приятные знакомства,
Забытые в заботах,
Но - до встречи.
А встречи - редки,
Чаще - на ходу,
В толкучке,
На поребрике асфальта,
Что делит мир
На тесный - пешеходов,
И более опасный...
Оттого
Случайных,
Встречных слов столпотворенье
Всегда - о главном
Или о погоде:
„Слыхал, вьетнамцы сбили самолет!“
„Ах, боже мой, какой сегодня ветер...“

Приятели -
Они всегда при „Я“,

При собственном,
При выпуклом
Как первый
Жирок интеллигента -
Не живот,
А так, намёк
На важную работу,
Сидячую,
За письменным столом,
Но только не оседлую -
Со службы -
Кого,

Когда
И где не встретишь -
Каждый
Уходит в увольненье:
„Понимаешь,
Начальник ни черта не понимает“
„И мой не понимает ни черта“...

Приятели -
При язве
И при „ять“,
Начитаны,
Начинены,
Как перцем, остротами -
Специфика нытья,
Но в остроте мышленья не откажешь.
А кто из них - пророк,
Кто - проходимец, -
Поди пойми...
Проходят...
Всё пройдёт...
В конце концов
Значенья не имеет,
Кому ты сунешь руку на ходу:
„Ах, боже мой, какой сегодня ветер...“

Ах, да, вьетнамцы сбили самолет...
Что ж, и про это можно -
Ведь никто
Из самых пустоглазых на Земле,
Не хочет навзничь на землю упасть -
Хотя бы
Чтобы
Не помялось платье...

Приятели,
Начальникам привет!
Привет семье,

И - до приятной встречи,
На Невском
Или, может быть, на Марсе,
Поскольку это может быть,
Хотя
Начальник ни черта не понимает,
Но звёзды, как пропеллеры,
Блестят...

* * *

Постоим, помолчим - разговоры успеются после.
Твой токарный станок - как понуривший голову ослик.
Я поглажу его по ещё не остывшему боку,
И почувствую, что изменяю любимому Блоку...
И отдёрну ладонь.
Но какая же это измена?
Вот кончается смена, такая вечерняя смена,
Что завод притаился как сонная лунная
заводь...
Научи меня плавать,
как Блок научил меня плакать...
Это нужно, и, верно, без этого жить сиротливо
И надёжность плеча, и заливистый ветер
залива.
И к тебе прислонясь, но не трогая нашу
систему,
Как могу, так и я погружаюсь в рабочую тему...
И ко мне наклонясь, ты стоишь, как папаша -
над зыбкой,
Гегемон со счастливой и чуточку глупой
улыбкой...

ТЕЛЕсПАТИЯ
(наброски к ненаписанной поэме)

Пролог

... Как только кровать прошелестела ржавыми шарикоподшипниками по чему-то мягкому, скользкому и голубому (фантастика и неопределённость, как когда-то хотел сказать один поэт, - близнецы-сестры), я тут же забыла все, что знала о ней, словно вообще ничего о ней не знала. Я не огорчилась. Я подумала, что, может быть, так и надо. Что цифры и факты прекрасно воспитаны (ведь они воспитывались еще при царе, платных врачах и хороших писателях), и теперь сами деликатно вышли из головы, чтобы не смущать нас при знакомстве...

- Ничего подобного! -

треснул на кухне эмалированый голос оглушительнореальной соседки (но, тем не менее, всегда наводящей на мысли о фантастике космическим

шлемом из металлических бигуди и гипертрофированным чувством ответственности за всё, что происходит на земле и в небе, а главное - с близкими, разумеется, территориально, ей людьми)

- Ничего подобного! Сидят, извините за выражение, и целуются! А картошка горит! Если бы не я, всё давно бы сгорело!

Ну что ж, для начала не плохо...

(Тем более, что старт научно-фантастического произведения всегда сопровождается пламенем из конкретного места. - В этом как раз и заключается главное отличие научной фантастики от обыкновенной, то есть, от художественной литературы...)

Итак, наш сияющий ободранным никелем, готовый выполнить любое задание, корабль „Кров-1“ (кровать односпальная) бессознательно отправляется в область подсознательного. Все **а**бортовые системы работают нормально. Будильник включен, свет выключен.

Старт!

Мы имеем всё, что нужно,
С тем, что можно наряду:
Дом, семью, работу, дружбу,
Триста с лишним дней в году.
Мы не плохи. Мы из детства...
Но усвоить нам велят:
Хочешь жить - умей вертеться,
Раз уж вертится земля...
И представить даже страшно,
(Разве мы себе враги...)
Если б стали мысли наши
Достоянием других:
Нецензурны - о цензуре,
Аморальны - про мораль...
(Лишь в ремарке и цензуре
Глубина блеснет и даль...)

ЭПИЛОГ

Чем вы заняты ночью, сегодняшней ночью?
(Не поймите превратно серьезный вопрос)
Дело в том, что по сведеньям точно -
заочным,
Интерес к телепатии очень возрос.
Утверждают, что это - большая проблема,
Возражают, что нету проблемы большой...
Словом, есть для шумихи хорошая тема,
Что уже и само по себе хорошо...
Что ж, явление это достойно вниманья
Высочайших светил и чернильных морей...
В скором веке наступит его пониманье
(А по просьбе трудящихся - даже скорей...)
А пока что один, молчаливый и блудный,

Не привыкший коверкать раздумьем висок,
Темнолицый погонщик усталых верблюдов
Интересную мысль обронил на песок. -
Развязал бурдючок, в горло свежести налил
И бровями папах приподнял слегка:
- Телепатия - верно, звезда ли, страна ли,
Только я про такую пока не слыхал...
Стар, и весь как мочёное яблоко сморщен,
Встал - и двинулся дальше в безвестную тьму...
И хотя, как вы поняли, вузов не кончил,
Почему-то мне хочется верить ему...

БОЖЕСТВЕННАЯ ТРАГЕДИЯ
(установки к постановке)

ЗАНАВЕС
(текст, воспроизводящий рисунок)

На эмали, столь безгрешной,
Что наивно-голубой,
Чуть повыше, чем скворешни,
Видишь, - ангелы гурьбой...
Нужно только приглядеться
И зажмуриться слегка:
Солнце... Ангельское детство...
Взбитых сливок облака...

БОЖЕСТВЕННАЯ ТРАГЕДИЯ

Бог завернулся поплотнее в облако,
Послал ко всем чертям радикулит,
И засопел... И шелестели около
Те звёзды, коим он благоволит...
Презрительно, опасливо и вкрадчиво
Косились на обрюзгшее лицо
Их дымчатые, странные, русалочьи,
С насмешливо прохладной зеленцой...
А Бог не ведал, что и Бог карается -
Старик - младенец, общий и ничей,
Неискушённый в мстительном характере
До тошноты услужливых очей...
Давно ли это: он да пустошь пыльная...
Идея сотворенья... А пока -
Помахивая розовыми крыльями,
Непуганно порхают облака...
Давно ли он из глины и наития
В одну декаду создал целый мир!
И пот его, счастливый пот строителя,
Дождём был назван первыми людьми...

Потом Адам и Ева стали старшими...
Дровами - лес, животные - зверьём...
И даже звёзды - просто секретаршами,
И не пускали к Богу на прием.
Прикрыв глаза подсиненными веками,
Крутя бедром, скользила в кабинет
Его звезда...
А жаловаться некому -
Инстанций выше не было и нет...
И он пленялся линиями плавными,
Когда, седую голову кружа,
Прикрыв коленки фиговыми планами,
Несли на подпись ересь чертежа.
Листал, довольный, липовые сведенья
В которых смехом назывался стон,
Не зная, что „Божественной комедией“
Был озаглавлен первый фельетон...

ПЕСНЯ ПЬЯНОГО АНГЕЛА

(Ангел - официант. Салфетки - крылышками.
Забыв, кто он, - ищет официанта.)

Никто никому не нужен...
Эй, как там тебя, гарсон! -
Полбанки и легкий ужин
На двух, так сказать, персон...

Персоны глядят в стаканы,
В стаканы, а не в окно:
Как жизнь они многогранны.
Все грани ведут на дно...

Не стоит грустить, персона,
Нажми на звонок соска...
На всех одного фасона
Исподнее и тоска.

Ни раз и ни век бывало:
Штаны подтянув, Адам

Заруливал в сень привала
С не эва какой мадам...

А Бог, притаившись рядом -
В пушке над его губой,
Стращал его тщетно адом
И евнуховой судьбой.
Плескала кудрями дева

И щурила длинный глаз:
„Сомнительно это дело -
Что дело богам до нас...“

До завтрака длится ужин...
Распятьем - на гвоздь - пальто.
Никто никому не нужен.
Нигде. Никогда. Никто.

АДАМ И ЕВА
(первый диалог)

- Смотри, какое яблоко, Адам!
- Кругло, как мир... Не слишком колоритно.
- Единственный, позволь тебе отдам!
- Ну что ж, давай - железо калорийно.
- О, не спеши, ведь мы с тобой должны
Вкусить впервые солнечную мякоть...
- Боюсь, у этой, так сказать, жены
Плодиться хобби, мудрствовать и плакать...
- Что слышу я? - Нарёк меня женой? -
Согласна, милый! Бог тому - свидетель...
- Чёрт побери и августовский зной,
И этой голой дуры добродетель!
- Ты счастлив, да? Какой прелестный рай!
Еще бы домик и забор вдоль сада...
- Сказал бы мне родитель: „Выбирай“ -
Так лучше ад, чем райская засада...
- Я как во сне... А ты?
- Кошмарный сон...
- Я вся дрожу...
- Таков закон прелюдий...
- А это что?
- Не видела кальсон?
Так вот стирай...

И зажили как люди.

КУПЛЕТЫ ЧЕРТА

Сколько мне почёту! -
Жаловаться - грех:
Посылают к черту
Все и всех...

В коммунальном гаме
Грохочут сковородками

Для мужей с рогами
И двойными подбородками.

Эх, раз, ещё раз... -
Трещи супружеский матрас!

Говорят мне: „Черт, возьми! -
Пьянствует начальство...“
Мало, что ли, мне возни
На своём участке!
А милиции за что же
Звёзды и оклады?
Не нужны мне эти рожи
В коллективе ада!

Эх, раз, еще раз
Поменять иконостас...

* * *

Оказывается, деревья звереют. И даже в самых кротких березах вдруг проступают хищные тигриные чёрточки. Они проявляются на закате, вкрадчивом и оранжевом, прячущем острые коготки звезд.

А звери порой деревенеют от страха. Лосёнок, едва не сбивший с ног охотника, отпрянул и замер с печально стекленеющим взглядом. - Как будто уже навсегда потерял голову и она создает интерьер в царственно тёмной прихожей...

А ты, человек, царь природы, - ты бываешь ослом, свинтусом, косолапым, тянешься - со-сна, зеленеешь от злости, желтеешь от старости, опадаешь, даешь дуба... Кто внушил тебе, что твоя кора мыслящая, а кровь - особой человечьей группы, и ни один пра-пра-пра (и так далее) пращур не смешал её с заячьей?

Подумай об этом, сойдя со своего величественного трона - сияющего фарфорового унитаза. Здесь, в лесу, вдали от всех тех, кто тебя поливает и дрессирует, чтобы ты не кололся и не кусался, не вылезал из горшка и не переступал красный ковёр своей арены, ты инстинктивно сворачиваешь с гладкой дороги на кривую тропинку, катишься по наклонной плоскости, пьешь свое отражение из ручья - и никак не напьёшься...

И вдруг восклицаешь: „ГОСПОДИ!“ (Восклицаешь молча, вернее, как-то шурша и урча, неумело, больно и радостно ломая губы, словно лепя из них первое слово „ГОСПОДИ“...

Что это?
Он? Оно? Они?
Существительное - то есть осуществлённое?
Собственное - твое собственное?
Нарицательно - прорицательное?
Первое причастие?
Тоже частица?
Просто предлог?

Ты ещё не познал морфия и морфологии, синтетики и синтаксиса, ты еще не умеешь язык, язычник: осязаешь, пробуешь каждый малиновый звук, приоткрыв рот колокольчиком:

Г-О-С-П-О-Д-И

Господи, сколько в нем, в этом слове:
ГОД и ГИД, ИГО, ИСПОД,
ДОПИНГ (только без „н“),
ПОГОСТ (правда, без „т“)

ГОСПОДИ - ГОСТЬ ПОДИ...

Это еще не рифма. Это ты вдруг понимаешь, что всё - равно. Всё равно, был ты здесь, в том, что мы называем жизнью (а могли бы назвать иначе) - или нет. И что всё равно ты будешь расти и повизгивать, и поскольку ЧЕЛО компенсирует краткий ВЕК, величать себя ЧЕЛОВЕКОМ...

ДВЕ РЮМКИ, ПОЛНЫЕ ТОСКИ (1967)

* * *

Хочешь, брошусь под машину или с моста? -
Для тебя мне это весело и просто!
Но тебя на эти сказки не поймаешь:
Ты их с первой завитушки понимаешь...
Понимаешь умудрённо и тверёзо,
Под колеса или лучше - под берёзу...
Но решительность мою не разрушаешь -
Сумасбродством насладиться разрешаешь.
И зачем я понимаю, что ты понял,
Что понятно мне, что я тебе понятна...
И зачем тебе понятно, что понятно
Мне, что понял ты, что мною тоже понят...
И настолько мы друг друга понимаем,
Что уже мы ничего не понимаем...
И тогда на самом деле лучше просто -
Под машину.

Или в петлю.

Или с моста.

***

Две рюмки, полные тоски,
Дешёвое стекло.
Уже последние такси
С бетонных щёк стекло...

На петлю мёртвую уже
Пошёл прощальный лист...

Уже до средних этажей
Березки поднялись...

Вот-вот на улицах пустых
Завянут как-то вдруг
Окошки свадеб золотых
Ровесниц и подруг...

Две рюмки, полные тоски,
На краешке стола...
Похоже, чтоб - виски - в тиски -
Я так тебя ждала?

А, может, роется в золе
Капризное стило,
И в самом деле на столе -
Дешёвое стекло...

***

И когда медведицей тоска наваливается:
Бурая,
        огромная,
                душная,
                        липкая -
Я так ясно вижу твои пальцы,
Словно это пальцы Вана Клиберна.
Бегают по ярким клавишам памяти,
Листопадом прошлым в лицо летят мне
Узкие,
        холодные,
                        лёгкие пальцы
С детскими обкусанными ногтями...
И нашла на что, задыхаясь, пялиться -
Табаком дешевым пропахли прогоркло...
Пальцы.
        Ледяные
                лиловые пальцы
Медленно сдавливают горло...

***

Вот и всё, мой хороший,
Прости и прощай.
Доброй ночи тебе, мой хороший.
Только в дождь никогда не ходи без плаща

И по рельсам ходи осторожней.

Не желаю тебе ни весну, ни зарю -
Что-то проще, роднее и глуше...
Я когда-нибудь все же тебе подарю
Медвежонка из мягкого плюша.

Ты его не гони, ты приди с ним домой.
Хочешь - можешь годами не видеть.
Даже если в кладовке завьюжится моль,
На тебя он не будет в обиде.

Ты живи - как живёшь, по московским часам,
Ни о чём не жалей и не помни.
И судьба твоя будет ясна и чиста -
Как ромашек нетроганных поле.

Ты спеши - как спешил, до снегов, до седин,
Но когда-то в каком-то просвете
Вдруг останешься в комнате жутко один,
Так, как будто один на планете.

Не беги в гастроном - пустоту не зальешь.
От неё не уедешь на север...
И забвенье в труде - это всё -таки ложь,
Это как на поминках веселье.

Завари себе чай, ежедневный, простой,
Чуть покрепче обычного чая.
Посади медвежонка на письменный стол,
Поверни от себя выключатель...

Вот и нет ничего... И тебя уже нет...
А под утро вздохни освежённо:
Мол, не выпало счастье - так выпадет снег.
И погладь по щеке медвежонка...

* * *

Беречь в себе трагедию, беречь...
Как это раньше мне не приходило,
Прохладное, как тающая льдинка:
„Беречь в себе трагедию, беречь...“

Беречь в себе трагедию, беречь -
Я это выдыхаю и вдыхаю,
И чувствую: становится стихами
„Беречь в себе трагедию, беречь...“

Беречь в себе трагедию, беречь -

Всё остальное - только чтоб заполнить
Часы и дни. И надо не запомнить -
Беречь в себе трагедию, беречь...
А не себя в трагедии беречь...

* * *

Слушаю время: 12 кремлёвских ударов -
Капель кремлёвских в пустой новогодний бокал...
Продолговатые,
Они тянутся и светлеют
Как хрусталь из губ стеклодува -
Одинокого старичка.
Издали его изделия очень забавны:
Напоминают мыльные пузыри
В радужной пене,
Дымчатой, с легкой примесью розоватого -
Самых простых надежд,
Которым не сбыться,
С бледнолазурным оттенком моря,
Которого так и не видел,
И зеленцой новорожденных листьев,
Которые давно опали...
Или ему в хрустале блеснули
Живые хрусталики
Глаз мальчугана, который звал бы его папой?

Слушаю эхо: 12 сердечных ударов,..
Их пережив, постигаю секрет ремесла...

ХОЧЕТСЯ КЛЮКВЫ (1965-1967)

* * *

Чертёнок, баловень, разиня,
Зачем занозистой была?..
В комиссионном магазине
Куплю два ангельских крыла.
И стану робкой, кроткой стану,
Не брошусь опрометь в зарю,
И не раскину в утро ставни,
А осторожно растворю...
И, растворившись в новом ранге

С чужого тёплого плеча, -
Какой носил их падший ангел? -
Вздохну...
И бледная свеча
Зачахнет, прежде вспыхнув резко
(И вздохом прошлое не тронь...)
И, как от ветра занавеска,
Крыло заденет за огонь...

E2 - E4

Милый тренер, гроссмейстер грусти,
Лучше с ходу бросай меня...
Ускачу я, едва отпустят,
Ходом шахматного коня.
Необузданным и нечётким,
Не вытаптывая ростки,
Добираясь по клеткам черным
До конца игровой доски,
Не усвоив обычных правил
И набрав только два очка -
Только те, что, смутясь, поправил
Юный тренер тоньше смычка...

* * *

Пощелкивает перепонка
Как бы от смены атмосфер,
Когда приходит в тихий сквер
Сезон весеннего пинг-понга.

Один-единственный снежок,
Как заяц, мечется над сеткой.
Давай пощёчины ракеткой,
Спружинься в солнечный прыжок!

Не осторожничай, не меть!
В конечном счёте степень риска
Вознаградит моя ириска
И горстью брызнувшая медь...

* * *

Искристая мелодия катка,
Изящество спортсменок и снежинок,
И смутная невнятная тоска,
Вернее, глубоко, исподтишка,
Нытьё моих расслабленных пружинок...

Как будто бы и свитер не надет,
Дымящийся, стремительный, как прежде,..
Как будто бы коньки живое режут...
И музыка несбывшихся надежд,
Как сырость, проникает под одежду.
И тянется мучительный виток,
И времени на следующий нету...
И весело вращается каток -
Румяный и хохочущий поток, -
Так в детстве рисовали мы планету...

* * *

Спешим, обжигаясь то ветром - то чаем,
И вдруг - беззащитно себя ощущаем...
И давит какое-то странное бремя...
А это - свобода, свободное время.
Всё то, что мечталось глазам воспалённым:
Простор и покой, синева - над зелёным...
Висят одуванчики... Дунуть? Не дунуть?
И трудно придумать, о чём бы подумать...
О грустном - смешно, о весёлом - тем паче.
Лежишь, осязая свои неудачи, -
Прищурясь. Травинка в зубах горьковата.
Свободное время во всем виновато.
Плывет голова, от озона дурея...
Окликните кто-нибудь, только скорее!
И, вздохом тяжелым прикрыв облегченье,
Вскочить, а зачем - не имеет значенья...

***

Становлюсь урбанисткой.
Помутился Обводный в крови.
Сфинксам кланяюсь низко.
Рассыпаюсь росстральным в любви.
Зачастив к пьедесталам
Гранитных людей навещать,
Им продрогшим, усталым
Отдаю половину плаща.

И откуда такое -
Просветленье? Причуда? Напасть?
Видно, веки-то в кои
Суждено в меланхолию впасть,
Распружинить походку,
Проглядеть до песчинок Неву,

Усмехнуться, нахохлясь -
Что, как видишь, прекрасно живу...

* * *

Какой он, Выборг? Вот какой он, Выборг:
Он точно весь на сером камне выбит;
(Туман - плотней и выпуклей щита.)
Бродить и думать, круто сдвинув брови,
О рыцарстве, любви, средневековье...
И - побоку туристская тщета.

Бродить и думать - час раздумий редок,
Потом следить, прижав к скале висок,
Как сигарета, вспыхнув напоследок,
В чужую ночь летит наискосок...

И так придумать, так запомнить Выборг
В стальных доспехах неба и воды,
Как будто был детально сделан выбор,
Куда бы скрыться от беды...

* * *

Теперь всплывает стыдное и лишнее,
И всё не то, не к месту и не так...
Но не вернуть ни речки той разлившейся,
Ни шаткого дощатого мостка.
Теперь тверды шаги мои напрасные,
Где парапетом сдержана Нева,
И на губах - спокойные и связные,
Умнее, чем вчерашние слова...
С перил свисаю - сломанная молния;
Но почему-то чисто и легко
Над головой качается гармония
Наплывших как попало облаков...

* * *

А, может, всё бесцветно вовсе
И лишь в зрачках отражены
Тень золотого века - осень,
Сугробы - храмы тишины?..
А если нет не только цвета -
И год, и города овал -
Всё только вымысел Поэта,
Который Бога создавал...

* * *

Я - „водила“. Он - смотрел как в воду...
Уводил подальше от воды...
И старик, приструнивший подводу,
Так прокаркал, что не знает броду,
Как в ответ, далёко ль от беды...

И качала головой ромашка,
Словно бы нагадывая впредь,
Что на дне не тонет день вчерашний,
И что зря хорошим людям страшно
В одиночку на воду смотреть...

...А потом, ссутулясь без причины,
(Мне тогда казалось - налегке)
Уходил сквозь дождик перочинный
Заурядный, в общем-то, мужчина,
Похоронно горбясь вдалеке...

***

Озёр и листьев шелест-перешелест,
Хруст-перехруст не вытоптанных троп...
Осенний день. Карельский перешеек.
Прямая речь, похожая на троп;
Осевший дом, приземистее груздя,
На крыше - груз осинного листка...
Лосиный глаз, додуманный из грусти,
Из тёмной влаги леса...
И слегка
Шуршащий дождик - нудный неудачник,
Из тех, кому с улыбкой не спалось.
Чего еще он ждет, последний дачник -
Осенний дождь в пижаме из полос?..

***

Я помню столько ликов, масок, лиц,
Что если их на миг представить вместе,
Получится воскресный зоопарк,
Причём, не им, а только мне в обиду:
Я не могу никак восстановить
Лицо, одно-единственное в мире,
Которое склонялось слишком близко,
Настолько близко, что не разглядеть.

Как будто горстью брызнули в глаза
Не звёзды - атропиновые капли,

Для моего дальнейшего здоровья
Приговорив к невиденью меня...
Остались только осень и перрон,
Что, как чертёж перрона, лаконичен,
И яблоко ночного фонаря -
Через плафон просвечивали зёрна...

***

Скажи, ты видел что-нибудь новей
Вот этой серой птахи на уступе
Сторожки в снежном, в искорках, тулупе,
Пропахшем нафталином до бровей?
Не оттого, что в курточках дрожим -
Своим дыханьем каждому согреться,
Патриархально вздрагивает сердце
И с каждым снегом больше дорожим
Живым и тёплым... Всем, что на бегу
Из памяти неслышно выпадает,
И снова первым снегом выпадает...
И глубоко, и облачно в снегу...

***

Как тягостно разводятся мосты...
Так медленно, что хочется лавины,
Выводят разводные половины
Протяжное прощальное прости...
И, кажется, невидимая нить
Их всё ещё удерживает рядом.
Ночного петербургского обряда
Прекрасные формальности хранить
Сумеем ли?
Так пошлы встречи, так
Вульгарны расставанья между делом,
Что рвутся нити меж душой и телом
Как на прядильной фабрике - и в брак...
О, заглянуть бы в скважину беды
Через мостов разорванные своды;
В лиловые и желтые разводы
Трагической магической воды...
Посмотрим, как разводятся мосты,
Не оттого, что ночи наши тают. -
Боюсь, нам только боли не хватает
И - вот такой - высокой немоты...

ИСКУССТВА

На полотнах бегут стоя,

По дорогам, таким подробным,
Что заметно, что одуванчик
Очень лёгкими лёгкими дышит,
Подтверждая реальность бега.

По страницам бегут как -то
За картоном их, за кордоном,
Но слова на крутом подъеме
Напрягаются словно мышцы,
Подтверждая реальность бега.

За мотивом бегут или
Едут? Щупают баб? Хохочут? -
Не проверишь, но хрустнет нота,
Как задетая локтем ветка,
Подтверждая реальность бега.

... О, великие инвалиды,
Дополняющие друг друга...

***

Часы показывают зрелость,
А выражается она
В лимонной мине - всё приелось,
В кофейном кайфе, „старина“...
Признаться честно, - даже лестно:
Излом усмешки на губе,
И вздохи музыки и кресла
От сострадания к тебе...
Как будто мыслимы патенты
На грусть старинного литья,
Надменны вечные студенты
На первом курсе бытия...

АЛХИМИЯ СЛОВА

Растворяются окна в сады
И калитка просохшего сада,
А неслышные хлопья беды
Не спеша выпадают в осадок...
Словно в лабораторной тиши,
Где каких только ампул не тронем,
Продолжается опыт Души...
Воспрещается вход посторонним...
Сколько формул её на клочках!
Сколько блеска и тайн в подготовке!
И дрожит в напряженных зрачках
Тихий, дьявольский отсвет спиртовки...

Ночь - пристанище для колдовства.
Оборудуй ее закуточек:
Вдруг еще отольются слова
В подсудимое золото строчек...

***

Мне интересно, когда мне особенно скушно,
Понаблюдать за простыми приметами быта.
Пусть вспоминается сразу фамилия Кушнер -
Очень приятно мне, что и она не забыта,
Что не напрасно в смятении пальцы дрожали.
А подражать я не стану, бумагу марая.
(Разве рожая кому-нибудь мы подражаем?
И подражаем ли, страшно сказать, умирая?)
Мой телевизор - он всё -таки мой, а не общий,
Хоть и записан в товары широкого спроса.
Грустный циклоп, управляемый только на ощупь
Нежным касаньем. А смотрит, поди же ты, - косо.
Или звонок мой - сосок на стене розоватой?
Или кофейник - блестящий космический конус?
Или котенок, свернувшийся - как виноватый,
Не оттого ль, что имеет свой собственный
голос...

***

Хочется клюквы, которой не лапал базар;
Дикой, весёлой - под снегом ликующий праздник...

Вот светофор усмехается прямо в глаза:
Манит запретом и ягодой ложною дразнит...
В брызгах рекламных преследует
клюквенный вкус,
В сочных проталинках медленных зимних
трамваев;
Необъяснимый и неодолимый искус:
Тронуть губами царапину с каплей кровавой.
Стыдно-то как: не открытий, не новых
планет,
Или (хотя бы) не импортных модных сапожек -
Именно клюквы, которой нечаянно нет...
(Коек в больнице Скворцова-Степанова -
тоже...)
Импортный жест - удручённой спины перегиб
Мысли неглупые - но расфасованы в буквы...
Что во мне, кроме таланта поверить другим
И повторить - как бредовые отсветы клюквы
В глазках пропойцы и в грудке того снегиря,

Что никогда на пустую ладонь не садится.
Тошно. И, может быть, хочется клюквы не зря -
Может быть, мне через несколько пульсов -
родиться...

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

ПИСЬМА С БЕЛОГО МОРЯ ***1965-66 гг.***
ИЗ КРЫМСКОГО БЛОКНОТА ***1967 г.***
ВОСТОЧНЫЙ УЗОР ***1972-73 гг.***

***

Люблю возвращаться домой,
Сосать леденцовое „Здравствуй!“,
Особенно - лунной зимой
Из дальних и длительных странствий.
И после стремительных круч
На лестнице нашей пологой
На миг задохнуться... А ключ -
Как луч, освещает дорогу.
И жёсткий обветренный рот
Такая улыбка смягчает,
Как будто ключа поворот
В судьбе поворот означает...

***

Похолодали твои глаза,
Отшелестели мои шаги,
И растекаются голоса -
Как по воде круги...
Ну а на севере осень - так:
Бледное небо сползает вбок...
Прежде был день - с лосиный шаг,
Нынче стал - с воробьиный скок...
Здесь я рифмую изба - резьба,
И деревянный гудит настил.
Греет с чужого плеча судьба,
Словно бы кто-то за всё простил...

***

Отчего на душе тишина непривычная -
Как предчувствие светлых вестей?..
А вздохнешь глубоко - и заметишь первичное:
В паутине дождей и снастей
Всю гармонию мира со взмахами ровными
Вёсел, крыльев, смычков и ветвей...
Лес плывет по воде и челнами, и брёвнами,
Отраженьями изб и церквей...

***

Здравствуй, здравствуй... А у нас зима.
А у нас журчат по склонам лыжи.
Как медведи белые, дома
Жмутся к морю белому поближе.
Ну а море белое - везде:
Сметена метелями граница. -
Снежный штиль на суше и воде,
Словно жизни чистая страница
И земли начало... Здесь её -
До сих пор - младенческая смелость:
Оленёнок нюхает ружье,
Но отпрянет, испугавшись смеха,
Ни в перед на шаг - и ни назад...
Здесь такие звёзды - звонче камня!
Здесь по-детски ясные глаза
У мужчин с багровыми руками.
Здесь не знаю, что я напишу:
Только письма? Очерк? Или повесть?
Не спешу. Туманами дышу,
И снегами, чистыми, как совесть.
И один-единственный ответ
Для твоих заботливых вопросов:
Знаешь, наш дрейфующий паркет
Иногда опаснее торосов...

***

Расплескались, расколышились снега,
Завертели, заметелили селенья,
Где накалывают звезды на рога
Большеглазые лобастые олени...
А вдали - на склоне глобуса и дня -
Стало солнце ананасовым и сочным.
Там пустыня, как собрание - меня,
Бедолагу-бедуина пропесочит...

Я ж ступаю по колючей по росе;

Ни оленя, ни оазиса в бинокле:
Уродилась я на средней полосе,
Где березы в небо пасмурное вмокли.
Испекли меня на среду, как назло;
Средний вес, вполне упружистое тесто...
В середине беззаботно и тепло...
В середине так удушливо и тесно...

Что с тобой, Россия, всё мне по плечу
(Только ты пойми меня и не печалься)
Не хочу тебе я клясться, промолчу. -
Без того тебя обманывали часто.

Что с того, что я просторами горжусь,
Что не смею современностью гордиться...
В капитаны, понимаю, не гожусь.
В пассажиры, понимаешь, не годится...

Гнутся ветки - созревают кулаки...
Режут лямки, но движенье неустанно...
Запиши меня, Россия, в бурлаки -
Вдруг на мель тебя посадят капитаны...

***

Из под колёс река встает ребром,
Летит плашмя стремительное деревце.
А говорят, что где-то есть метро.
Наверно, есть. Но всё-таки не верится...

Здесь в сентябре ударил первый снег,
Бредёт к берлоге сонная медведица.
А говорят, что где-то снега нет.
Наверно, нет. А всё-таки не верится...

Когда в пурге не видно ни черта,
В любой избе ночуй, какая встретится.
А говорят, исчезла доброта.
Всё может быть... И всё-таки не верится...

Снега - по грудь, безмолвие - по грусть,
Не ближе цель - она с Землёю вертится.
А говорят, бывает легче путь.
Наверняка. Но всё-таки не верится...

***

За порогом ночь холодна как смерть,

Но куда шаги не кидай:
В маскарад огней или в снежный смерч,
Всё равно тебе - в никуда...

Не скажу „Постой!“, потому что фальшь
Ослеплённым еще видней...
Да и все мы лишь человечий фарш
В голубой мясорубке дней.

Чем же хуже снег: и душист, и волг,
Слышно, звезды звонят по ком...
И бруснику крови притихший волк
Слижет замшевым языком...

Только полно врать, попивая чай
И давить из брусники сок...
Ни один дурак от моих „Прощай“
Не дырявил себе висок.

И уходишь ты не в безлюдье льдов -
По ночному проспекту путь.
И из зёрен злых - из твоих следов
Что-то снова взойдёт... И пусть.

Вот зароюсь глубже в пушистый плед,
Уходя, огня протяни...
А уйдешь - и брошусь в метельный бред,
На скрипучий лёд простыни.

НОВОГОДНИЕ ТОСТЫ

Очевидно, правильно - хвоя.
Вероятно, правильнее - хвоя.
Не в себе - не значит, что твоя...
А вдвоём - не просто слитно двое...

Ударенья ставить не хочу.
(Это хоть зависит от хотенья)
Выпьем за потухшую свечу
И вечнозеленые растенья...

***

Глянцевые грозди винограда!
Солнце в оболочках - виноград!
Надо же - летел из Ленинграда...

Нет, из Крыма через Ленинград.

Письмам просто. Фруктам тоже просто:
Без корней лучатся на столе.
Что-то вроде теста или тоста -
Промолчать, подумав о тепле...

***

Всё еще не скоро: детский лепет
И вполне солидные дела-с...-
Каждый раз, едва зима облепит,
Я опять еще не родилась.
Я еще - ни вздоха и ни строчки,
Я еще бесформенный комок
Я беспросветно светлой оболочке,
Где Господь устроиться помог.
Безмятежней даже, чем в халупке
Возле речки с контуром блесны,
Подрастаю в тоненькой скорлупке
Ненадёжной снежной белизны...

***

А мне в январском солнечном Крыму
Казалось, что не я пришла к нему,
А он ко мне - рождественской открыткой:
Там серпантин расцвеченных дорог
С горы, как с ёлки, свесился до ног,
И мальчуган, ликующий и прыткий,
За блеском волн серебряных бежал,
В руках медузу хрупкую держал,
Горели щеки лубочным румянцем.
И долго пятки чиркали одни,
Взметнув песка бенгальские огни,
Что до сих пор в глазах моих искрятся...

***

Старик Нептун, ты всё-таки болтун -
Ты разболтался, вышло на поверку:
Пустил такую рыбину по верху,
Что золотушный мелкий колотун
Издёргал море...
Что же ты, Нептун,
Подсунул старцу рыбину не ту?

А старец этот - копия твоя,
Весь в бороде всклокоченной и пенной.

Пора сидеть на пенсии степенно
С трезубцем вилки, россказни вия.
Зачем же столь мучительный вояж,
Ты не поймешь - старуха не твоя ж...

Тяжелый синий невод тишины.
И чешуя лоснящейся луны.
А сколько нитей в неводе сплелось...
А сколько сказок во море слилось...
А сколько лет, лениво ласты грея,
Всплывают, как тюлени, валуны...

Стоит Нептун с лицом Хемингуэя
Над пушкинскими прядями волны -
Старик-рыбак, луну поймавший в невод...

***

Волны штор отвести,
близорукими окнами спальни
Поглядеть,
и увидеть, очнувшись от нег:
Желтый снег на зеленые падает пальмы,
Липкий лиственный снег...

Что отснилось - отснялось на старую пленку
печали.
Засвети её, день, до последнего кадра,
на нет!
Первый день декабря - перекресток эпох -
замечали?
Хлипкий лиственный снег...
Он помучит еще ожиданьем,
шуршащий посредник,
Но однажды проснусь,
а на встречу - не с неба, а с неб -

Настоящий,
всегда для кого-то последний,
И всегда для кого-нибудь первый -
снег!

Звонкий, как поцелуй,
как щелчок по антоновке,
или...
Или
даже не знаю...
Но хлынет на пальмы и с них!
Только разве на юге снега настоящие были...
Только лиственный снег,

Жёлтый лиственный снег...

***

А неба нет. И моря нет.
Есть небоморе - подтверждение
Пересечения всего,
И параллелей.
Поздно. - Ночь, никак?
От скуки думая о ней,
Я представляла наваждение:
Душа нахохлилась совой
На голой ветке позвоночника.

А вижу: серые пласты,
Казалось, противоположностей
Прошиты нитками дождя
На редкость прочными и серыми.
И как вы, стало быть, просты,
Все наши сумрачные сложности,
Коль можно, к морю подойдя,
Качнуть звездами точно серьгами...

***

Медный медленный купорос,
Вечный вычурный кипарис.
Только бухают - ах-ты - ух-ты -
Волны, плюхаясь на песок,
И рифмуется с плеском бухты
Равномерный прибой в висок.

Ах, душа моя - бухта Прошлого,
Застоявшаяся вода. -
Только чайки кружат над крошками,
Лапки розовые сводя...
Неужели уже мне впору
Начинать монолог простой,
Как предательски цедят поры
До росинки чужой простор:
Медный медленный купорос,
Вечный вычурный кипарис...

***

Звенит, переливается
сосулек баккара,
Тарелки льдин фарфоровых
на счастье бьются в марте.

Стелите небо мягкое,
Хива и Бухара,
Которые пока еще -
веснушками по карте!
Хива и Бухара, - вы как халва и похлова,
Вы мне на блюдце поданы
с каёмкою лиловой!
И подан трап,
и сказаны последние слова,
И прописью -
бухгалтера внушительное слово...
Хвала ему,
бухгалтеру завода моего,
В блестящих нарукавниках
и пыльном ореоле -
Ведь мировосприятие зависит -
итого -
От фондов предприятия,
и этого - тем боле...
Расширится мой пасмурный,
природой данный мир,
До самой Средней Азии
за Среднею Рогаткой!
Но только пусть бухгалтер мой,
бухарский мой эмир,
Перерасход души моей
останется загадкой.
...А сколько солнца, Господи!
(верней, уже Аллах)
Так вот где золотая ты,
России середина!

Тяжёлые носильщики
на маленьких ослах
Трусят, и каждый кажется
портретом Насреддина...

ВОСТОЧНЫЙ УЗОР

Коленки звонки и щедры.
Лицо в тени чадры.
Блестит „Фиат“. Плюёт верблюд.
В пиалы пиво льют.

Стена древнее, чем Коран.
Ишак. Подъемный кран.
Табличкой „Строит Ленинград“
Струится виноград.

Под небом снова молодым -

Прохладный сизый дым:
Цветущий персик - словно Кент
Расписывал Ташкент.

А в двух шагах - Гоген: жара,
Бананов кожура.
Толпа в мечеть. Толпа в завод.
Всё рядом: вот... и вот...

В СТАРОМ ТАШКЕНТЕ

Узенькие улочки Ташкента
В школе, что ли, вылеплены кем-то? -
Грубо, торопливо, неумело,
Хижины не выснежены мелом.

Пепельная нищенская глина...
Женщина в халате из павлина...
Ослик, симпатичный и печальный...
Кустик, запылённый и случайный...

Ползает, жилища задевая,
Красное чудовище трамвая -
Яркий представитель незнакомых
Среднеазиатских насекомых...
Неба и земли узкоколейкам
Молча говорю: „Селям алейкум!“
И тебе, великий неумека
Из того, младенческого века...

***

Бесплатно зрелище базара,
А мне-то дороги как раз
Каскады звонкого азарта
И красок, лакомых для глаз.
Палитра щедрая свежа тут,
Как будто мир отсюда взят:
То огурцы, как лягушата,
Ознобом зелени пронзят,
То вспыхнут лампочками груши
И диском солнечным - лаваш!
И дынь медовое удушье
Дурманит голову как блажь...
О, рынок в гомоне и давке!
Как самаркандские ковры
Твои воскресные прилавки
И гармоничны, и пестры.
Восторг - восточная торговля!

Недаром вывеска: „ВОС.ТОРГ“

О, только б выдержала кровля,
Когда торгуется восток!..

***

Как почтительно тихо машины порхали
(На серебряных крыльях - пыльца золотая)
И усталое солнце горячим барханом
Колыхалось вдали, нарастая и тая,
Как вздыхали послушные ослики в лозах
И мерцали глазами... -
смогу ли забыть я... -
Над кошмой истлевающей в мраморных позах
Аксакалы свершали обряд чаепитья...
Это отдохновение или работа?
Это миг, или век, или сколько продлится?
И текли ручейки вдохновенного пота
По глубоким арыкам, изрезавшим лица...
Так торжественно ждали иссохшие губы
Вознесенья пиал, не склоняясь к пиалам,
Что казалось, - какие-то тайные трубы
В тишине чаепитья звучат аксакалам...
Вот и слушают, в такт бородами качая,
Как уходит их музыка дальше и глуше...
Или кроме секретов обычного чая
Им известен и чай, утоляющий душу?
И светилось в оазисах глаз превосходство
Недоступного счастья, неведомых тягот...
Старики обретали всё большее сходство -

Постепенно -
с землёю,
в которую
лягут...

ЗЕЛЕНЫЙ ЧАЙ

Ну и пекло - чай, хана:
Выдержать не чаю.
Выручает чайхана -
Приглашает к чаю.
Как певуча пиала!
Пьётся - как поётся!
Чай, пила... А что пила -
Тайной остаётся...
Остановит время бег,

Сопиальник скажет:
„Ты уже совсем узбек -
Окосела даже...“
Да и мне по вкусу тут:
Пиршество затеяв,
Экзотически цветут
Клумбы тюбетеек.
Змий зелёный подмигнет,
Выглянув из чая...
...И зелёный огонек
Ночью выручает.

***

Невесомая ветка порхает у рук
Бледнорозовой тенью амура...
Говорит мне, что это - весенний урюк
Белозубый потомок Тимура.
Говорит, что весной позволяет Коран
Медресе обходить стороною;
Говорит, что Аллах отправляет в казан
Только тех, кто печален весною...
А сейчас - говорит - всемогущий Аллах
Нашептал ему вещее слово:
Мол, пора забыть о муллах и делах -
Остывает мозаика плова...
И под веткой урюка, в намёках теней,
Где прохладны луна и тревога,
Мне уже защищаться трудней и трудней
От фривольного этого бога...
И боюсь, что в прозрачных протяжных ночах
Вдруг проявятся ярче и резче
Два горячих урюка в раскосых очах
И орнамент причудливой речи...
И напрасный нечаянный выдох „О, да...“ -
Колдовство затенённого мига -
Мне напомнит листвы золотая орда
И щемяще-осеннее иго...
Но пока что он, рисовым зодчеством горд,
Воздвигает мне купол на блюде...
И луна проплывает в расщелине гор
Как на тихом вечернем верблюде...
Но пока что на звёздный узор голубой
Погляжу диковато и хмуро:
А не слишком ли мы атеисты с тобой,
Белозубый потомок Тимура?..

***

Отвечаю „Ага“ и „Угу“,
И молчу, и ступить не могу. -
А на мраморно белом снегу
Пламенеет тюльпан...
И ответа
Мало этого разве?
Не тронь...
Спрячь росток под большую ладонь,
Чтобы вечной природы огонь
Не погас от случайного ветра.

Этот мраморный мартовский снег
В разноцветных прожилках...
И век...
И неведомый мне человек,
Без которого было бы пусто...
Так природа вдали от машин
Нас на свой применяет аршин,
И, мне кажется, близость вершин
Будит в людях высокие чувства...

НАДПИСЬ НА ПЕСКЕ

Вздулась жилка на виске -
По реке тоска...
Я рисую на песке
Тёмном, как доска.

Только школьная доска -
Дерева брусок,
А песок - он из песка,
Он зернист, песок.

Я тоскую о реке
Туфельки носком,
Зная: надпись на песке
Занесёт песком.

Хоть бы чахленький лесок,
Хоть мираж леска...
Но сметает всё песок,
Что не из песка.

И стара, как мир, тоска -
Сказка про лесок...
Снова - чистая доска.
Сыпется песок...

ВОСХОЖДЕНИЕ

Слева - горы,
справа - горы,
прямо - горы.
С каждым шагом
чаще выдох,
реже шаг...
Ну, скажи,
ата (отец),
теперь-то скоро?
Но в ответ
хвостом
кивает мне
ишак.
И косится укоризненно, и вроде
Презирает меня с должностью в связи:
Ты слова, мол, еле-еле переводишь,
Ты что я перевожу - перевези...
А старик - немногословнее вершины,
Бородой и справедливостью - Аллах:
- Ниспошли, Аллах, - бормочет - ей машину -
Не умеет ни пешком, ни на ослах...
Не умею. И развешиваю уши...
И шагаю,
и боюсь:
не хватит сил.
Этот день мою навьюченную душу
Крутобокими горами нагрузил.
Этот день папаху тучи сдвинул низко,
Даже лунной круглоликостью - ата...
Ну, скажи, ата (отец),
теперь-то близко?
Он бровями пожимает:
„Суета...“

ЯРМАРКА (1965-1967)

ЯРМАРКА

ВРИФМЫ И ВРИТМЫ (1965-1967)

ПРОТИКАЛО ВСЕГО 17 ЛЕТ
БУНТ РОЯЛЕЙ
ПОЛНОЧНОЕ ПОЛО
СНЕГУ ХВОРАЕТСЯ
ССУТУЛИШЬСЯ - И В РАННИХ УЛИЦ ВАТМАН
УБЕГУ ОТ ГАЗЕТ И ДРУЗЕЙ
БЛУЖДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ
ЛИСТЬЯ ПЕРВЫЕ ЧУТЬ ГОРЧАТ
РИФМА
Я, СКОРЕЕ ВСЕГО, КАК ВСЕГДА НЕПРАВА
У МЕНЯ В РУКАХ ИТАЛИЯ
ВЗЯТЫ ОКНА В ДРОВА ДА В СЫРОСТЬ
У КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА ЕСТЬ СВОЯ УЛИЦА
ДОРОЖНОЕ
НАДО РАЗОЗЛИТЬСЯ
ХОББИ
АРЕНА
АУ-КЦИОН
ПРИЯТЕЛИ
ПОСТОИМ, ПОМОЛЧИМ
ТЕЛЕСПАТИЯ (НАБРОСКИ К ПОЭМЕ)
БОЖЕСТВЕННАЯ ТРАГЕДИЯ (ЭКСКИЗЫ)

ДВЕ РЮМКИ, ПОЛНЫЕ ТОСКИ (1967)

ХОЧЕШЬ, БРОШУСЬ ПОД МАШИНУ
ДВЕ РЮМКИ, ПОЛНЫЕ ТОСКИ
И КОГДА МЕДВЕДИЦЕЙ ТОСКА НАВАЛИВАЕТСЯ
ВОТ И ВСЁ, МОЙ ХОРОШИЙ

БЕРЕЧЬ В СЕБЕ ТРАГЕДИЮ, БЕРЕЧЬ
СЛУШАЮ ВРЕМЯ: 12 КРЕМЛЕВСКИХ УДАРОВ

ХОЧЕТСЯ КЛЮКВЫ (1965-1967)

ЧЕРТЁНОК, БАЛОВЕНЬ, РАЗИНЯ
СПОРТ, СПОРТ, СПОРТ
(ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ)
Е2 - Е4
ПОЩЁЛКИВАЕТ ПЕРЕПОНКА
ИСКРИСТАЯ МЕЛОДИЯ КАТКА
СПЕШИМ, ОБЖИГАЯСЬ ТО ВЕТРОМ, ТО ЧАЕМ
СТАНОВЛЮСЬ УРБАНИСТКОЙ
КАКОЙ ОН, ВЫБОРГ?
ТЕПЕРЬ ВСПЛЫВАЕТ СТЫДНОЕ И ЛИШНЕЕ
А МОЖЕТ ВСЁ БЕСЦВЕТНО ВОВСЕ
Я „ВОДИЛА“
ОЗЁР И ЛИСТЬЕВ ШЕЛЕСТ-ПЕРЕШЕЛЕСТ
Я ПОМНЮ СТОЛЬКО ЛИКОВ. МАСОК. ЛИЦ
СКАЖИ, ТЫ ВИДЕЛ ЧТО-НИБУДЬ НОВЕЙ
КАК ТЯГОСТНО РАЗВОДЯТСЯ МОСТЫ
ИСКУССТВА
ЧАСЫ ПОКАЗЫВАЮТ ЗРЕЛОСТЬ
АЛХИМИЯ СЛОВА
МНЕ ИНТЕРЕСНО, КОГДА МНЕ ОСОБЕННО СКУЧНО
ХОЧЕТСЯ КЛЮКВЫ, КОТОРОЙ НЕ ЛАПАЛ БАЗАР

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

ПИСЬМА С БЕЛОГО МОРЯ 1965-66 ГГ.
ИЗ КРЫМСКОГО БЛОКНОТА 1967 Г.
ВОСТОЧНЫЙ УЗОР 1972-73 ГГ.

ЛЮБЛЮ ВОЗВРАЩАТЬСЯ ДОМОЙ
ПОХОЛОДАЛИ ТВОИ ГЛАЗА
ОТЧЕГО НА ДУШЕ ТИШИНА НЕПРИВЫЧНАЯ
ЗДРАВСТВУЙ, ЗДРАВСТВУЙ... А У НАС ЗИМА
РАСПЛЕСКАЛИСЬ, РАСКОЛЫШИЛИСЬ СНЕГА
ИЗ ПОД КОЛЕС РУКА ВСТАЕТ РЕБРОМ
ЗА ПОРОГОМ НОЧЬ ХОЛОДНА КАК СМЕРТЬ
НОВОГОДНИЕ ТОСТЫ
ОЧЕВИДНО, ПРАВИЛЬНО - ХВОЯ
ГЛЯНЦЕВЫЕ ГРОЗДИ ВИНОГРАДА

ВСЁ ЕЩЕ НЕ СКОРО: ДЕТСКИЙ ЛЕПЕТ
А МНЕ В ЯНВАРСКОМ СОЛНЕЧНОМ КРЫМУ
СТАРИК НЕПТУН, ТЫ ВСЕ-ТАКИ БОЛТУН
ВОЛНЫ ШТОР ОТВЕСТИ
А НЕБА НЕТ. И МОРЯ НЕТ
МЕДНЫЙ МЕДЛЕННЫЙ КУПОРОС
ЗВЕНИТ, ПЕРЕЛИВАЕТСЯ
ВОСТОЧНЫЙ УЗОР
В СТАРОМ ТАШКЕНТЕ
БЕСПЛАТНО ЗРЕЛИЩЕ БАЗАРА
КАК ПОЧТИТЕЛЬНО ТИХО МАШИНЫ ПОРХАЛИ
ЗЕЛЕНЫЙ ЧАЙ
НЕВЕСОМАЯ ВЕТКА ПОРХАЕТ У РУК
ОТВЕЧАЮ „АГА“ И „УГУ“
НАДПИСЬ НА ПЕСКЕ
ВОСХОЖДЕНИЕ

ОЛЬГА БЕШЕНКОВСКАЯ

ГРАНЕНЫЙ РАЙОН (1972-1974)

***

Наверно, об этом нельзя.
Вернее, не стоит.
По лицам попутным скользя,
Не думай пустое.
Подумай о чём-то своем,
А лучше - высоком...
Прозрачен граненый район
И солнечным соком
До края наполнен, до губ,
А губы, зевая,
Упрямо рифмуют, что груб
Водитель трамвая,
Что надо же - иконостас -
Не лица, а морды...
Но памятен каждой из нас
Урок Квазимоды
Но дело не в этом совсем -
Бессилен рассудок
И всё же для каждого в семь
Звенели посудой...
И желтые зубы, и нос
Картошкой ли, перцем -
До звёздных кому-нибудь слёз,
До выдоха сердцем.
Вкусившие солнечный сок
Адамы и Евы -
Напротив и наискосок,
И справа, и слева...

***

О чем поёт гармонь теплоцентрали?
О том, что мы страну не выбирали
И на эпоху ордер не дают,
Но в беспокойном коммунальном мире
Для всех нашлось по жизни и квартире,
Чтоб создавать потомство и уют.
А что растить: берёзы или пальмы?
Будильник или жаворонок в спальне? -

Судьба ли, сам ли выберешь себе.
А всем нам - жить со всеми по соседству
И - видит Бог - по счётчику и сердцу
Платить за свет в жилище и в судьбе...

ПЕСЕНКА

Кто один склоняется - тот не одинок -
Над водой с лиловою глубиной беды:
Зябко и доверчиво плавают у ног
Мартовские лебеди - ладожские льды...

Кто в толпе слоняется - лишь бы одному
Не застыть в трагическом зеркале воды -
Может не надеяться: не придут к нему
Ладожские лебеди - мраморные льды...

Ну а ты до мудрости майской доживи:
Тают люди в памяти, а в апреле - льды...
Остаётся каждому хмурый дождевик,
Солнечные зайчики... Каменные львы...

МАЗУРКА

Белый снег идёт,
белый снег...
Чёрный негр идёт,
чёрный негр...
Ну и что с того,
что с того?
Бог о тобой, перо,
что о тобой?
Если б это шёл первый снег,
А под снегом шёл первый негр!
Или если б шёл белый негр,
А над негром шёл чёрный снег!
Этот белый снег -
просто снег,
Да и чёрный негр -
только негр.
Это ж город вьюг,
а не юг,
Это ж год, где каждый -
и друг, и брат:
Петербург без снега -
не Петербург,
Ленинград без негра -
не Ленинград...
Ну и что с того,

что с того, -
На того глазею -
и на того, .
И зачем-то брезжится:
там, вдали
Из мазурки выпорхнет
Натали...
Ну и что с того,
что с того,
Что зимою все мы
чуть-чуть "того"...

***

Тщеславия, чуда ли ради,
Не блажь ли, входящая в плоть:
На нежную кожу тетради
Лиловый узор наколоть...
Не знаю, но чувствую: всё же
С годами больней озорство -
Уже проступает на коже -
Ознобом - с бумагой родство.
Уже в побелевшие пальцы
С опаской вскользает игла,
Уже не похожи на пяльцы
Удобные рамки стола...
Уже ужасает сноровка
Беспечной и лёгкой руки:
Не смоется татуировка -
Ребячество дерзкой отроки...

***

Дом казенный? Верно говоришь:
Каждый занят вузом или службою...
Ишь, как ты угадываешь, ишь,
Как тебя доверчиво я слушаю...
Ты права, что на сердце - печаль,
И что где-то в чём-то невезение:
И стихи не приняли в печать,
И дожди заладили осенние.
И про мой сердечный интерес
Ты бубнишь козырную историю:
На крестовом в самом деле - крест.
(У кого же не было крестового...)
Мне бы твой художественный дар
Сочетанья общего и личного,
А тебе - законный гонорар
За созданье образа типичного...

***

Каким ты будешь, будущий язык?
Один для всех - как музыка и небо…
Один для всех: для Фета и для Феба,
Для коренастых сеятелей хлеба
И бледнолицых пахарей музык.
Чем будешь ты, - рисунком или словом?
Ты ко всему заранее готов:
И молча в спектре вылиться лиловом,
И выразиться в запахах цветов…
Готов для всех признаний и наветов
Дарить оттенки слуху и очам,
Готов своих пленительных поэтов
И утешать, и мучить по ночам;
А я - лететь к тебе издалека…
Хоть мой скафандр - фланелевый халатик -
Смешон в хрустальной готике галактик,
Но вдруг пронзит восторгом и охватит
Прикосновенье к тайне языка.
И зазвучат - и слышала не я ли -
Уже в моей языческой дали
И борозда раскрытого рояля,
И клавиши подтаявшей земли…

***

До обидного прост и недолог
Путь к старинному сейфу души:
Бородатый, как чёрт, социолог
Пододвинет анкету: - Пиши!
Бесполезно уже притворяться -
Разглядит он, как ты не таи,
Сквозь замочную щель перфораций
Все наивные тайны твои.
И - держись, развесёлая личность! -
Лучше даже, чем другу, видны
И усталость твоя, и скептичность,
И тенденция к чувству вины.
Только хрустнет задетая ветка,
Расцветет ли строка ни о чём -
Мефистофель XX-го века,
Усмехаясь, стоит за плечом...

***

За месяц дачного житья
Вошли прощания в привычку.
И снова в нимбе снежном я

Благословляю электричку...
Ещё вдвоём - уже одна -
Стою на лезвии платформы,
Чтобы в проталинке окна
Мелькнуть на память для проформы
Поймать светящуюся горсть...
Потом разжать пустые руки:
Ну вот и всё. Уехал гость,
Любимым названный от скуки.
Но независимо от уст
И электричек торопливых
У поцелуев зимних вкус
Был яблок белого налива...
И снег случайно, но не зря
Завесил станции названье,
И лунный отсвет фонаря
В очарованьи расставанья...

***

Не скажу: мол, такой,
И сякой... Объяснять не усердствуй.
Выбирает покой,
Задохнувшись аллюрами, сердце
Кровлю над головой
И овсяную пресность диэты.
Но здоров и живой,
И спасибо хотя бы за это.
И Пегасу - овёс,
И ему, очевидно, приелась
Наша жизнь на авось,
Верховая беспечная смелость,
Ипподромный азарт
И табачная горечь озона.
...Козырёк - на глаза,
Козырёк - на глаза, амазонка
Сезона!..

***

Весь город - за городом. Жарко...
И жалко дня. И птицу жалко
В тщедушном сквере, при дворе,
Где дворник нехотя царует,
И сквернословит, и целует
Взасос бутылку на жаре.

А, может, всё-таки на поезд?
Не так далёк озёрный полюс,
Прохладный, с птичьим естеством.

Но мозг мой в городе оставлен,
Он будет плавиться асфальтом -
Покорным серым веществом...
А где же выход? Есть ли выход?
А выход - просто вдох и выдох.
И так не раз, не два, не три...
И вот уже тележка кваса
Мерцает как ракета с Марса.
Замри поодаль - и смотри...

***

Вот бреду, как по шпалам, по зыбким теням
Красноватою ржавчиной тронутых сосен,
И померкший песок, не спросясь у меня,
Шелестит надоедливой рифмою "Осень"...
Да и что же придумать ему в сентябре? -
Не банальней, чем жизнь, стихотворная форма...
И полоска залива - в глухом серебре,
Как пустая, в мерцании лунном, платформа.
Не отсюда ли, вняв расписанью судьбы,
Отошли по невидимым рельсам, по мели,
И бравурные дни в ослепленьи трубы,
И друзей толчея, и любовь без похмелья...
А куда им, в какое село-городок, -
Не узнаешь теперь, и не хочется даже.
Только чайки нечаянной сиплый гудок
Всё звучит над осенней провинцией пляжа...

***

Прозрачность и незавершённость
Осенних дней... (О где ты, где?..)
Где пальцы листьев обожжённых
В студёной морщились воде,
Напоминая о беде;
А под озябшею рукою
Зато цедил тепло такое
Коры берёз шершавый наст...
Где относительность покоя
Коснулась всё-таки и нас...

БАЛЛАДА О ДЕВУШКАХ МОЕГО ДРУГА

Девушки моего друга,
Сколько вас было...(Только
Я не скажу вам - сколько,
девушки моего друга...)

Девушки моего друга,
Все, до одной, - богини.
(Могут ли быть другими
Девушки моего друга...)
Девушки моего друга
Вышли из пенных кружев...
(Пену сдувают с кружек
Девушки моего друга...)

Девушки моего друга
Светятся, словно льдинка
(Крашеные блондинки
Девушки моего друга)

Девушки моего друга
Видят в нём Авиценну...
(Если б вы знали цену,
Девушки, моему другу!)

Девушки моего друга
Любят меня с опаской...
(Дружбу считают сказкой
девушки моего друга...)

Девушки моего друга,
Это оставим в скобках...
(Хоть я и не из робких,
девушки моего друга...)

Девушки моего друга,
Вы уж его спасайте...
(Первыми не бросайте,
Девушки, моего друга!)

Девушки моего друга,
Скоро нахлынет осень...
(Мы вас и сами бросим,
Девушки моего друга...)

Девушки моего друга
Тают и улетают...
(А на земле рыдают
Женщины моего друга...)

***

Ну что ж, начнись ночная повесть,
Посыпься, сага...
Как новорожденная совесть
Чиста бумага.

А не успеешь оглянуться -
Золой на тризне.
Могу ли я её коснуться
Рукою жизни?
Пускай ей будут фимиамом
Мои привычки...
Но там, на донышке на самом -
Четыре спички.
К их язычкам, по-птичьи робким,
Пора привыкнуть,
Но медлят пальцы на коробке:
Какой чирикнуть?
Быть может, я не различаю
Их тайной смычки -
Случайной вспышкой разлучаю
Навеки спички,
Огорчена, что новый свитер
Кольнула искра.
И мой не дремлет инквизитор,
И дышит близко...
Следит, раздвинув децибелы
(А пальцы - гвозди)
Как винограда Изабеллы
Ночные грозди..
Одушевляются предметы.
И как посмели?!
Шизофрении ли приметы?
Кошмары хмеля?
А кто-то голосом оттуда
Внушает: "Вот как
И жизнь проходит как простуда,
Согрета водкой..."
Кто он: дружинник или доктор?
Не знаю, право...
А дождь сухой и ветер мокрый -
фрамугой - "Браво"...

***

Расстраиваюсь, оттого что
Раздваиваюсь - потому, что,
Небесную читая почту,
Всё думаю: а как же муж-то
Той женщины, что так бранилась,
Кляла его (мол, нету хуже...)
И на пол грязный обронилась,
Всё плакала: "Верните мужа!..."
А как его теперь вернёшь ты?
Вернётся он теперь неужто?
Раздваиваюсь оттого, что

Расстраиваюсь, потому что
Всех слёз не промокнуть вовеки,
А четверть века миновало,
И солнце распрямило ветки,
И небо мне разлиновало,
А я ещё в ответ ни строчки
Вчерашнему дождю и тучке -
Расстраиваюсь оттого что...
Раздваиваюсь потому что...
И греется мне сковородка,
Неверному и благоверной...
И вся-то жизнь - скороговорка...
Когда она звучала верно?!

***

Уеду ли куда-нибудь? Да нет...
Мой город - мой рабочий кабинет:

Теснятся стеллажи, а не дома,
А окна - пожелтевшие тома.

А эхо от шагов - до потолка,
Где ангелы лепные - облака.

Гори, звезда настольная - пора:
Старательно макаю до утра

Перо свое, не вечное, увы,
В гранитную чернильницу Невы..

***

Укомплектован человек.
Точней сказать, - укомплексован.
Его дороги черновик
Пунктиром звездным нарисован...

А дальше - сам...
Ни Фрейд, ни Бог,
Ни безымянный автор линий
Не поведут.
Но мысль о них
Светла в прерывистости ливней...

***

Когда обыденно и мудро,

Ещё застенчивым лучом,
Границу лишь наметит утро
Меж тёплым каменным плечом
И чуть припухшими губами,
Причмокивающими во сне,
Как только в том когда-то - к маме
Тянувшимися, и вовне
Не представляющими жизни -
Тогда, казалось бы, лови
Бесценный миг при дешевизне
И слёз, и слова, и любви...
Продли молчание дуэтом,
Не шевелясь и не дыша,
Но отдохнула - и на этом
Спешит опомниться душа.
Напрасно, к сердцу приближая,
Её мне сманивать с высот:
Что, мол, спасёт беда чужая,
Иммунитет к теплу спасёт,
Что мы не слепы и не глухи,
Что нам уже двадцатый век...
Она в июньском лёгком пухе
Провидит снег,
торопит снег...

***

Отпустили и книг, и судьбы переплёты
К переплетам окон.
Приземление листьев и птиц перелёты,
Почему вы - закон?
Почему улетают не листья, а птицы?
Или, веткам верны,
Листья просто не смогут с корнями проститься
И дожить до весны?
Да и птицы не все - замечаю теперь я -
Только те, что поют.
Может быть, голоса, голоса, а не перья
Это право дают?
Это грустное право на смелость пилота,
На полёт без огней...
До свидания птицы большого полета,
И - до солнечных дней...
А у листьев маршрут роковой и недальний -
Пару взмахов - и ниц.
Мы живем, наблюдая исход их летальный
И летательный - птиц...

ПЛОЩАДЬ В КОЛОМНЕ

Все тот же снег ресниц касается,
Всё те же трепетные па...
И до сих пор еще красавица
Спит по рецепту Петипа.
Темнеют редкие прохожие
И зябко горбятся в ночи,
То вдруг на Пушкина похожие,
То - на скрипичные ключи.

Стихи... Метель... Консерватория...
Всё Хореографом дано
И жизни наша траектория,
Боюсь, рассчитана давно.

Но хоть всю ночь тверди, печальная,
Шагов задумчивых пароль,
Не скажет площадь Театральная,
Какая нам досталась роль...

СОНЕТ СТУКАЧУ

Лежу ли безмятежно на траве,
Сижу ли в заведении питейном -
Шуршит какой-то карлик в голове,
Подосланный из Дома на Литейном.

Копается, сопя, в черновиках
Моих, еще не высказанных мыслей,
Со мною он витает в облаках
И воду дней влачит на коромысле.

Перепадает вин моих ему...
Командирован к сердцу и уму,
Теперь-то он со следа не собьется.
И я ему сочувствую вполне:
Не заболеть, не вырваться к жене,
Глядишь, - стихи запишет и сопьётся.

Д.Я.ДАРУ

Я любуюсь талантом раскуривать старую трубку
В хрупкой новой квартирке,
где некому прибираться...
Так раскуривать трубку,
что комната кажется рубкой
Романтической шхуны
и немножко пиратской...
И качается пол,

и похмельная тяжесть в затылке,
И щербатая плоскость стола
под локтями поката.
И настоль неуместен
кефир в запотевшей бутылке,
Что она наполняется ромом заката.
Не маститый - бывалый.
И только одна неувязка:
Не хватает повязки от виска и до уха...
Но в дремучем дыму я уже различаю повязку:
От надежды слепой -
до пространства,
которое глухо.
Я любуюсь талантом не видеть
стремительных стрелок,
Ощутив обнаженную
молодую
страницу...
И когда он бранится:
„Герой Ваш сознательно мелок“,
Улыбаюсь,
любуясь талантом браниться.
И свистят паруса.
И наградою кажется кара.
И лохматые юнги
уходят в поэты,
Даже если у них
никакого и не было Дара -
Только этот…

***

Шуршали фантиками скептики.
Цыпленка резали романтики.
И взгляды в хрен славяно-
филиньи
Совпали с импри-
сионистскими.
По Фрейду - в тике, и по Цельсию
Часы подтакивали дактилю,
А некто пастернакомыслящий
Брюзжал и брызгал мандельштампами.
И все еще раз дружно чокнулись
За чей не помню день рождения...

***

Поторопись сказать о главном,
Пока дешёвое вино

Струится медленно и плавно,
Как ровный лунный свет в окно;
Пока ночной дремучий кофе
По сердцу нам и по душе
И Блока юношеский профиль
В дыму наметился уже;
Пока над спичкой пламя длится,
Пока, к тебе обращены,
Друзей единственные лица
Расплывчато обобщены
И ямбов ждут, родных и теплых,
А не сомнительный верлибр,
И просто изморозь на стеклах
Все „измы“ нам забыть велит...-
        Уже не так-то много комнат
        По тихим зимним адресам,
        Где нас ещё и ждут, и помнят,
        И верят ломким голосам...

***

Как неохотно тело выплывает
Из голубого утреннего сна,
И осторожно - чтобы неуклюжим
Случайным всплеском глади не задеть...
Твердеют мышцы и ослабевают...
Ещё чуть-чуть продлись голубизна!
Пусть из ключиц, как вёсла из уключин,
Свисают руки, тяжкие за день...

А новый день уже звенит и будит,
А я ещё угадываю - кто:
Будильник? Или мама? Или слышу,
Как тикает в груди и вдалеке -
Мол, так-то так... И всё же - будь что будет.
Смогу ли я когда-нибудь потом
Увидеть дом напротив, снег на крыше
И солнце на антенном стебельке...

***

Глухонемые говорят -
Как будто музыку рисуют:
Их пальцы нервные парят
И взгляду слово адресуют.
Смотрю,
        (немая от стыда,
Краснея сладостно и густо)
Как вырастает их беда

В какой-то новый вид искусства...
А наших строчек лепота
Откуда? - Память умолчала.
А не Гомера ль слепота
Дала поэзии начало?

***

Возле моря, ветреный и алый,
Кубы зданий и овалы крон,
Не из Грина он, а из металла -
Городок по имени Микрон.
Не изваян он и не раскопан,
И без всяких творческих манер
Разглядел его под микроскопом
И заснял на пленку инженер.
Проявлялся, креп - и вырос город, -
Хоть билет до города проси...
Подойдёшь - и ветер треплет ворот,
И блестят молекулы такси...
И висит над бухтой колоннада -
Яркий мрамор, прятавшийся в медь.
Ничего придумывать не надо -
Надо просто зрение иметь.
А не то когда-нибудь под вечер
Покачнуться вечности весы:
Отразится плоский человечек
В многогранной капельке росы...

***

Помню только: лошади в тумане...
Как в кино замедленная съемка,
Да и то не спорта, а балета
С трепетным участием Плисецкой...
Словно уличенная в обмане,
Зябко съежусь, но светло и ёмко,
Как во сне - смотрите без билета,
Или как в туманности соседской -
Лошади, скользящие по склону
В сизой, с первой изморозью, хмари...
(Я с тех пор угадываю в лире
Тот изгиб изящного колена)
Ни унылых признаков полона,
Ни отдышки в гоночном кошмаре,
Ни узды, ни всадника... И в мире -
Лишь туман и танец... И нетленно
Сквозь густую дымную завесу
Труб фабричных, сигарет „Столичных“,
Хмурых туч, под снегом и под спудом,

В сентябре - в сафьяновом романе,
В серебре, за шумом и за лесом,
Там, на робких подступах к величью -
Чу... - душа, стреноженная чудом:
Утро жизни... Лошади в тумане...

***

О, юность пылкая, прости...
Но в лунных сумерек мерцании
Приходит время дорасти
До отрицанья отрицания,
До поклонения цветам,
До постоянства в грустной радости
Существования...
А там -
До сентября...
До слёз...
До старости...
Все как положено идет
От крика первого - до шёпота,
И к диалектике ведёт
Тропинка собственного опыта.

ПРИКОСНОВЕНИЕ РУКИ (1975)

***

Прикосновение руки
И мимолётно, и подробно...
Не только в рифму - вглубь подобно
Притоку поверху реки:
Мурашки... Слабый лунный ток
С едва заметным напряженьем...
Листок, измученный круженьем -
Смущенно скомканный платок.
И омут... Чувствуешь в душе:
Подвох, подводность роковая...
А щёлка между рукавами -
Всё уже, уже... Нет уже...
И кто вас выдумал, слова,
И рифмы... - Только скажешь „пропасть“ -
„Пропасть“, „попробовать“ и „робость“
Всплывут.
Которое сперва?

***

Многообразием любовей
Пресытясь, -
счастьем назови
Ночной подтекст в бесплотном слове:
Разнообразие в любви...
И час, когда дыханье сладко,
Созвучным выдохом почти...
И драматическая складка
На лбу разгладится почти,
И пышный кот войдет по тёплой
Дорожке первого луча,
И вспыхнут радужные стёкла
И день, бидонами бренча...
И вновь на грани тьмы и света
Душа потянется к перу:
Сказать, что вечный смысл поэта -
В непротивлении добру.

***

Если б можно было во времени каждом быть,
Пребывая в каждой точке земного шара,
Я бы точно знала, кого одного любить
И однажды б это на целую жизнь решала.
Но случайно всё: и любовь, и страна, и век,
И супругов ложе, и в поезде скором полка.
Даже пусть взорвётся сердце - и фейерверк
В просветлённом взгляде смеркается долго -
долго...
А из многих сот ночей - из медовых лун
Отольются даже пусть золотые свадьбы -
Не сведи судьба...
Но подушки сырой валун
Оттого не мягче, что дескать, могла не знать бы...

***

Вокруг уныло и серо,
А в ювелирном магазине
Янтарь оправлен в серебро
Как желтый лист в дрожащий иней.
И все блистательно, как встарь,
Хотя музейно и картинно,
И только теплится янтарь,
Как пальцы в пятнах никотина.

Желтеют кисти янтаря -
Колье морского винограда...
С каким поэтом говоря,
Его примерила Наяда? -
Сентябрь, оплавленный в январь...
...А выйдешь к морю шагом шатким -
И не заметишь, как янтарь
Шуршит в ногах утенком гадким...

***

Что может быть грустней пластинки старомодной,
Особенно когда вертинская луна
Чуть слышно дребезжит, а там, на оборотной, -
Такая же тоска - другая сторона...
Быть может от того, что слов не различаю
(А ноты и вблизи - китайские значки)
Изыскан как лимон в дорожной кружке чаю
С горчинкою мотив, желтеющий в ночи.
Вернись, вертись еще, усталая пластинка,
Вдали, в чужом окне, на празднике чужом.
Пусть что-то жмёт как блеск непарного ботинка
И свет, и смех, и снег, и выше этажом...

***

Репродуктор молитвы бубнит эпохальные,
И кадит паровозами век.
Распушились на вербе зайчата пасхальные -
И слиняли, как мартовский снег.

Купола прояснились к заутрене в темени:
Шлем церковный и цирка шатёр.
И на крыше в антеннах - на кладбище времени
Сгорблен крошечный телемонтёр.

И блестит самолетик, и крестиком прыгая,
Сгубит многих, и многих спасет.
И еще неизвестно какую религию
Из какой Византии несет...

***

На Васильевском острове запахи солоноваты.
Неуклюжие танкеры в дымке сквозят как фрегаты,
И неслышно скользят, повелительно, плавно и робко.
И набросок моста - как закрытая круглая скобка.
А вода всё плывёт на приманку далёкого света,
В серебристых намёках и в быстрых чешуйках от ветра.

И некстати - вздохнуть, и неловко домысливать рыбу.
И расхлябанный шаг на граните торжественен, ибо
Столько глыб и проспектов мы с детства о нём
пролистали,
Что стоишь на ступеньке, а кажется -
на пьедестале...
Зная, - не по заслугам тебе эта честь и опора,
Принимаешь парады, а флагман - кораблик собора.
И в рассветных домах - лёгкость, пафос
и парусность флота.
И, простит Крузенштерн, я не знаю надёжней оплота,
Чем гипноз красоты, многоярусный сон от рожденья,
Подсознание родины, хрупкое, как отраженья...
Шелестят паруса, и двенадцать суровых Коллегий
Проступают в тумане легко, как двенадцать элегий.

***

Прощай, страна осенняя, прощай -
Мне пальцы жжёт березовый огарок.
Не праздник ты, я тоже - не подарок,
Хоть под фольгой блестящего плаща;
Прощай...
В твоих распахнутых полях -
Подпольная чахоточная сырость.
Кого обманет яблочная сытость.
Когда листы и топчут, и палят;
Прощай...
Утробно каркают костры,
Чернея вдоль приснеженных обочин,
И каждый дворник скромно озабочен
Самосожженьем пасмурной поры;
Прощай
во имя бренного отца,
Звенящего медалями под осень,
Как волей ветра брошенными оземь
Кружками золотыми деревца;
Прощай, во имя сына и того,
Кто так мечтал о сыне или дочке,
Но оба мы - на тоненьком ледочке,
Что дай-то Бог, удержит одного;
Прощай.
С веселой гроздью терпких слов
Стою на самом краешке, на кромке...
Зияет бездна. Скользок берег ломкий.
И каждый вздох - на грани катастроф.
Но если нет бессмертия, то что
Считать на этом свете катастрофой:
Аборт любви? Оборванные строфы?
Крючок, что оторвался от пальто?

***

Что нас держит еще на земле?
Уголек увядает в золе,
Как на пепельном фоне экрана...
Вот он, сверхреализм бытия:
Не туман, а дымок забытья,
Те же линии - ракурсом странным...

Словно кто-нибудь (знает Господь)
Вынул краски, фактуру и плоть
Из объёмов, оставив намеки
И сирень растворил как Мане...
Это мостик оттуда ко мне
Обрывается... Ноги намокли.

А сентябрьское скудно тепло,
Будто нету - плечо затекло,
Лень и боязно пошевелиться.
Отпылали трескуче слова,
И последняя сникла трава,
И желтеют ровесников лица.

И скорей отрезвляет вино...
Просто как-то... Не то чтобы... Но...
И шуршащие мысли негромки.
Вот теперь-то и соединить
Наши руки в осеннюю нить
У размытой сиреневой кромки...

***

Исчезни, остряк, заполняющий паузы шустро:
Есть женщины-скрипки, немыслимо с ними без фрака.
Волнуйся, о, бархат! О-плавься роскошная люстра:
Фисташковый абрис таинственен в бархате мрака.
И так одинок, что надменен для толп и фигляра,
И этим несчастлив - как первой любви постоянство:
Как будто вокруг неприступная мягкость футляра...
Но мы бы ослепли от звёзд, не имея пространства,
В каморке как в храме - блистанье, мерцанье,
свеченье,
Вверху, в уголке, вместо трещин -
впорхнувший из ночи
(Смотри же - и отсвет, и отзвук имеют значенье)
Зефир белорозовый - роза ветров - ангелочек...
Есть женщины-скрипки, звучащие гордо и древне
И дышится как-то и выше, и глубже, и глуше...

Ах, Анна Андревна (а хочется: Анна Царевна),
Тела продлевая, тенями колеблются души.
Ни пошлых истерик, ни фальши эстрадно и бодро
И вслед - хрипотца и плебейские наши катары... -
Натянуты струны, певучие плечи и бедра -
Скрипичные формы, а всё же гитары,
гитары...

***

Уже за то судьбу благодарю,
Что говорю, и в рифму говорю,
И что могу лицо подставить снегу,
А тело, эластичное вполне,
Великодушно предоставить бегу
И свысока пожаловать волне.

И самовластьем - над собою власть -
Взахлёб упиться, досыта и всласть,
И чем-нибудь существенней - с получки;
И скудный день по-своему любя,
Самодержавно сдерживать себя,
И просто жить: похуже и получше.

За то, что наших праздников реестр
Мне составлять - и то не надоест,
А на себе испытывать - подавно:
И всплески слов, и пены кружева,
И земляничный вкус - пока жива,
Пока включают в перепись по данным...

За то, что утром, робко теребя,
Будило Ощущение Тебя,
И нигилизм тянулся к идеалу.
За все потери (им потерян счет),
За всё, что будет горького ещё
И что всю жизнь от смерти отвлекало...

***

Стольким юным обидам присвоены степени бед,
Столько инеев блещет в ресницах кристаллами соли,
Что не только секунд - и столетий стремительный бег
Незаметнее миль самолетных, кузнечика в поле.
Стрекотание кинопроекторов, швейных машин,
И трибун, и трибун водо- руко- и флагоплесканье -

Всё равно... Только пропасти несколько ниже вершин.
Всё одно заметёт: снегом, памятью или песками.
Облетят лепестки с неприметной ромашки судьбы,
Упадёт стебелёк, распыляя тычинку и пестик.
Что вы значили, годы, допустим, труда и борьбы,
Все, с победами всеми и бедами, порознь и вместе?
Но подумаешь так - и скользнет по щеке лепесток,
Прозвенит высоко, розовато сверкнёт перламутром...
Вот он, вот же, скорей, он же падает в общий поток
Из трагедии ночи, осмеянной солнечным утром...

***

В те восемьсот любезные года,
Когда вздыхали лошади, когда
Дорог искристых скользкая слюда
Обёртывала сонную Россию,
Когда луна не прятала от глаз
Ни тонкий профиль, ни крестьянский фас,
И обращались к ней без выкрутас,
И улыбаться в линзу не просили;

Когда тянулась пряжею зима,
И вековые сосен терема
Резьбой, каллиграфической весьма,
Внимательное радовали зренье,
И не мелькали мимо как столбы,
Когда шофёры не были грубы,
И не хватало классикам судьбы
На вояжи к народу и старенье;

Когда, устав от блеска и молвы,
В тоску впрягались, к счастью и увы,
Когда Радищев думал до Москвы,
А не храпел на жердочке плацкарты;
Когда, воздев шлагбаум, инвалид -
Взамен руки, что в памяти болит,
Путь указал движению элит
И не трепались по ветру плакаты;

Когда стучали в ставни по ночам,
И отворяли - букли по плечам,
И как рентген провинции - свеча
Случайного просвечивала гостя...
И кружевной отбрасывался сон,
И стол звенел, накрытый для персон,
И клавесин за стенкой - в унисон,
(А унитаз не слышали при тосте),

Когда не только водку, но и чай
Умели пить, и молвить невзначай;..
(И в чем сегодня их не уличай, -
Мы промотали отчие уменья:
Простая роскошь - мудро созерцать
Упразднена восторгом отрицать,
Словами, тоже общими, бряцать,
И нет имений - лишь местоименья...)
А вот тогда и были имена!

***

Суди, не цацкайся, не мешкай,
Не вознеси на небеси,
Но от язвительной усмешки,
От шутки желчной - упаси.
Когда судьба с гримас паяца
Смывает вместе жизнь и грим,
Не будем вечности бояться
И с ней на Вы поговорим.
Без той фехтующей щекотки,
Когда хоть смейся - хоть кричи;
У бледной, тающей в чахотке,
Насквозь светящейся свечи -
Как в те века, когда к соседу
Ходили чаще, чем в кино
И грело зимнюю беседу
Далёколетнее вино...

***

Слипаются фразы - совсем разучилась читать.
Рассеянный взгляд выдает, что душа не на месте.
Всё что-то мешает: на лбу непослушная прядь,
Дурные предчувствия, цоканье капель по жести...
Так в комнате нашей, где каждая вещь - наизусть
Внезапно томит ощущенье какой-то пропажи,
И мучит, хотя беспредметна до времени грусть -
И свет не включен, и ключи не повернуты даже,
И внешне - порядок, и нечего, в общем, терять...
И с книгой любимой такое же вдруг происходит,
Пока не поймешь: не хватает безмолвного ять,
Как запаха речи в прекрасном - на суть переводе...
Сама спотыкалась на жатве хрустящих страниц -
Корнями смягченными суетный век избалован,
Зато приходилось вглядеться, осмыслить, сравнить

И дух перевесть перед каждым затверженным словом.
Загадочный сфинкс, человечек по имени „Ять“,
Морока наборщиков, роскошь писателей русских.
Да полно вздыхать: не заблещет грамматика вспять
И надо ли это...
И дело не в правилах узких.
И нам почитать и выстраивать свой алфавит,
И с ходом событий рифмуется без авторучки...
И вдруг заскучать оттого, что и он деловит,
По черт его знает, бог знает какой закорючке...

***

Июльская мозаика малины…
Армянских глаз печальные маслины…
А через час воздушные мальвины
Внесут в салон полюстровский озноб…
И облаков слепящие долины…
И циркуль звёзд, пронзительный и длинный…
И города распустят как павлины
Рекламных улиц веер или сноп…

(Кто как привык: для сноба - лучше веер)
И вот опять сырой замшелый вечер…
И вдруг щеки коснется свежий ветер,
И так запахнет ландышем плафон,
Как будто Моцарт зависти не встретил,
Как будто рядом плачет юный Вертер,
Как будто можно съёжиться и верить,
Что все скворцы вселились в телефон.

А через миг - орнамент разговора:
Сплетутся в нем подробности собора,
И круг друзей, и острый угол спора,
И все, что ныне, присно и вокруг:
И пустячок из пошлого фарфора,
И весь клубок из тонкостей фавора,
И три цветные фишки светофора,
И косяки пунктирные - на юг …

То прибалтийской крыши черепица -
То ананас… И надо торопиться…
И не успеть всмотреться, породниться,
Сравнить, назвать...
Уж лучше откажись
От мысли хоть за что-то зацепиться -
Мелькнут в глазах пропеллеры и спицы…

И просто спать - еще страшней, чем спиться,
Когда на всё - единственная жизнь…

***

Ничего и не надо особого, нового…
Лист смородины - младший братишка кленового,
И ладонь человечья - наверно, племянница.
Разрастайся, родня! - Хоть кому-то вспомянется…
В золотых завитках, по дворянски затейливо,
В ленинградском дворе - родословное дерево:
И потрогать могу, и листаю взволнованно,
И под кроной стою, сентябрем коронована!
А корнями - в асфальт (по метрической записи).
И не вижу причины для спеси и зависти.

2

Мне такая удача негаданно выпала:
Прямо в руки луна по течению выплыла,
Тонкой трубочкой свернута - вроде папируса.
Под лопаткой щекочет прививка от вируса…
Объезжают машины - какое везение! -
И на лоно природы везут в воскресение,
Или даже в субботу, - поскольку не чёрная…
…Разноцветная радость вокруг, безотчетная.
А начнешь рассуждать - и заплакать захочется:
Неужели всё это возьмет и закончится?

3

День, последним не ставший - как праздник рожденья!
И не лямку тяну, а рас-тя-ги-ваю наслаждения:
Обстоятельный чай с пирогами домашними,
Затяжной, как прыжок, поцелуй под ромашками,
Всё вобравший в себя: страх, восторг, ожидание,
И случайные блики на смутное, давнее,
И до слёз - хоть проси у кого-то прощения…
И другие, прильнувшие к ним, ощущения.
Я на свете живу по любви и посуточно,
Осторожно вздыхая, что время рассудочно,
И над быстрой водой под столетними соснами
Забываюсь все чаще и как-то осознанней.

***

Штангелем тщательно смерь
Произведенье резца…
Токарь оттачивал смерть,

Не поднимая лица…
В пальцах ласкает деталь,
Щурит глаза: хороша!
Эта зеркальная сталь
Не для его малыша.
В ней отражается пот,
Взгляд вдохновенный творца.
…Номер такой-то - завод,
Номер такой-то - лица…
Только какие права
Есть на упрек у меня:
Вот убивают слова,
А не могу поменять.
…И наклонясь над лицом,
Видя работу сию,
Время наносит резцом
Жесткую подпись свою:

Всех, кто служил в палачах:
Сосны извёл на дома,
Всех, у кого на плечах -
Хищная птица ума…
…Так ли сурова судьба
С давних до нынешних пор,
Или, Верховный Судья,
Твой справедлив приговор?..

***

Поднимается жизнь и по лестнице Гаршина,
Шелестя и мелькая в пролётах плащами…
Смрад котлет и капусты.
Котами загажены
И расписаны пьяницами площадки.
Огибая провал,
продолжается лестница:
Смотрят в стекла и щели
соседки и звёзды.
Силуэты ветвятся.
Доверчиво светятся
Пальцы, переплетенные в первые гнёзда.
И веселье звонков, и табличек сияние -
На материи мира сияют заплаты…
Лишь фамилии проще, да редкостней звания -
Новый титул:
„отличник уплаты квартплаты“.
Продолжается лестница
звонкими маршами,
Словно жизни талантов -

законное пенни…
И не горше, чем всюду,
на лестнице Гаршина
При подъёме и спуске
вздыхают ступени.
И зловещая бабушка, горбясь и охая,
Словно память с клюкой
к поколению в джинсах
Семенит…
пусть не с Гаршинской -
всё же - с Гороховой,
Остальные -
с Дзержинской.

***

Неужели - чтоб только пространство заполнить
Столько глаз:
удлинённых,
зелёных,
всегда удивленных…
Или всё-таки велено листьям запомнить
Всё и нас:
лесников,
дровосеков,
прохожих,
влюблённых…
Для того и лучи посылаются свыше,
Что бы в них преломиться.
(Мы греемся в этих лучах)
Фотосинтез -
в блестящих зрачках прозревающих
вишен,
В карем камне,
в снежинках на каменных наших плечах.
Потому-то, когда отобьешься от стаи, от стада
(Интересно, - куда
Причисляют нас эти глаза,
и очки,
и бинокли?)
Как-то не по себе
на ладони вечернего сада
и в блеске пруда:
Почему,
почему,
почему эти взгляды намокли?

УТЕШЕНИЕ

Не про все написано, поверь мне:
Закури, в ладонь ударься лбом:
И в твоей каверне - как в таверне
Дым столбом…
Не на жизнь - смотри - а на смерть драка:
Звон сосудов - как разбитых льдин.-
Очевидно, это из-за рака -
Он один…
Нужно лишь уютнее усесться,
Побелеть и вспыхнуть над клочком…
Слышишь, как отважно бьётся сердце
Кулачком?..

***

Вот и опять я увидела вас
В городе №, как повсюду встречала:
Телохранители каменных ваз
У деревянной полоски причала. -
Освободясь от античных опек,
Дружно возвысила новые чувства,
Плаванье - в плавках, в бюстгальтерах - бег
Провинциальная сила искусства.
В запахе тошном исторгнутых вин,
Рыбы, и брёвен, гниющих устало,
Местный Ромео и сумрачный свин
Топчутся вечером у пьедестала,..
О, добродушный, налаженный быт:
Мат на задворках, белье на веревках -
Строчкой помянут - и снова забыт
До неприкаянной командировки
В тихую волость, к ущербной луне,
К слепкам судьбы, к пароходикам сиплым,
К этому кактусу, что на окне
Встал и стоит как фаллический символ...

***

На что, за что мне зрение такое:
Вода в минуту серого покоя
Покачивает клипсами челнов,
А я уже гляжу поверх залива,
Где неизбежно, хоть неторопливо
Крадутся тучи грузно и черно…

Ещё не шторм, и не заливист ветер,
И неба свод еще довольно светел -
Заметит это кто-нибудь другой,
А я смотрю вослед опальным листьям,
На тени птиц, летящие по лицам
И нахожу в рифмовнике: „изгой“.

И не в квасном порыве, а тверёзо
Ловлю в дожде скользящую берёзу -
И отпускаю с буквенных крючков:
Она дрожит беспомощно, безлисто.
И, видно, нет в шкатулке Окулиста
На каждый минус розовых очков…

ОСЕННЯЯ ЗАСТАВА (1975-1976)

ДЮНЫ

По мокрому песку - песок сухой…
Стелись и вейся, белая позёмка.
Не назову трухой и шелухой -
Уже диктанты юного позёрства
Проходят мимо раковин ушей.
Уже сентябрь - в природе, и в душе.

Опять совпали эти сентябри,
И грусть светла в гармонии с печалью.
Брести по кромке, нет, не до зари -
До той сосны... И музыкой венчальной
Закружат волны, кружевом фаты
Цепляясь за прибрежные кусты.

Морской осенний пасмурный обряд -
Бродить среди огрызков и окурков,
Когда деревья листьями сорят
И на ветру поскрипывает куртка;
И на границе неба и воды
Читать следы и оставлять следы…

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю-баю… Байки полуночные…
Спят простейшие и позвоночные,
Телефонов косенькие звонницы,
Спит луна - таблетка от бессонницы,
Лень и ум слипаются в элениум,
Спит гармонь с бравурным отоплением,
Птицы спят под шелковыми листьями,
Слышно, как ворочаются истины
С боку на бок… Мучатся и мечутся.
Спят поэты - совесть человечества.

2

Крик „Помогите!“ и жесткий бег…
Кажется… Сон глубок…
Тихий порядочный человек
Повернулся на правый бок.

…Может в Казани волна - о брег,
Иль в „Юрюзани“ - ток?..
Тихий порядочный человек
Повернулся на левый бок.

Наглухо - шторы усталых век.
Комнаты коробок.
Тихий порядочный человек,
Свернувшийся в колобок.

Не переломишь теченья рек.
Всем - да поможет Бог…
…Тихий порядочный человек
Скатится в погребок…

3

Ботинки спят… И туфелька не шевельнет ресничками
И зренье объективное уже затемнено…
Сияют пяток лампочки, и звёздочки над лычками,
А вьюжное, натужное жужжит веретено…
И что плету - не ведаю… Смеркается… Смыкаются
Его физиономия, медуза и звезда…
И ковыляют, мыкаясь, мыслишки… И сморкается
Сосед за стенкой тоненькой,
которая - тверда…

***

Одушевляю мир - включаю душ:
Пусть грянет он, серебряный, как туш
Из труб водопроводного оркестра,
Что наш сантехник пьяный починил,

Величественно - будто сочинил
Музыку… И откланялся - маэстро…

Маэстро, торжествует чистота!
И мудрость безыскусна и проста. -
Что ей рядиться, голого мороча,
Когда лишь только руку протяни -
И жизнь начнется с чистой простыни,
И вот она - счастливая сорочка…

2

Переродиться, не продешевить,..
Душе поэта не одушевить,
Увы, ни бюрократа, ни комода -
Скрипят себе веками не дыша…
И тщетно лепит ласточка-душа
Свое гнездо у шиферного свода…

Лети, ищи надежнее приют,
(Того гляди, нечаянно прибьют,
А то еще отравят хлорофосом)
Да вот не знаю адреса - куда…
…А может быть, и это - не беда:
Ведь после роз привыкла к папиросам…

3

Дымится… Город ломится в село…
Бекон, бетон - и сытно, и светло…
И солнце подменяется торшером.
…Давай поджарим полуфабрикат.
Никто не прав. Никто не виноват.
Стакан сияет, чокнутый фужером.

Откроем кильку - весело блестит.
Здоровый быт. Прекрасный аппетит,
Хоть ничего иного не открыли…
…Да сны слетятся табором грачат…
Да и лопатки ноют и торчат
Во сне - как недоразвитые крылья…

ПТИЦЫ

Не завидуй, отрок, чайке -
Волнокрыла, как печали,
Может быть, она не чает
Приземлиться на причале…-
Инвалид небесной группы;
Песня - стоном из гортани…

…Не завидуй чайке, глупый, -
Божьей „галочке“ в тумане…
Пахнет мир солёным потом
Монограмм и моногамий:
Упоение полётом -
Вместо почвы под ногами…

2

Птицы - это наши души.
Вот нахохлилась сова -
Человек любил послушать
На ночь лунные слова…

Одинокий, флегматичный,
В круглых стареньких очках,
Выгнув нос несимпатичный,
Сам царапал на клочках…

Птиц высокое сиротство,
Окрылённое бедой…
…Желтоглазый, кто ты: Бродский?
Заболоцкий молодой?

Ты, наверно, всё же филин -
Раз мужчина и поэт…
Ухнул:
„Все мы простофили,
У поэтов пола нет…“

3

Черный, как лакированный, ворон -
Персональная „Чайка“ пылинки…
На воде золотые утята -
Расшалилось вечернее солнце…
А клубника (причем тут клубника?)
Так щемит неземным ароматом,
Что боюсь: освежает мне губы
Соловьиное сердце…
А голубь
Ходит серый, пузатый, воспетый…
…Одному только Богу известно,
Что хотел он и выразил миром…

4

И еще скажи, о Боже,
(Кстати, как тебя зовут?..)
Почему и в небе тоже
Дольше хищные живут?..

ОРФЕЙ
М.З.

Никому ты не нужен, Орфей -
Не Морфей, не шалфей…-
Разве песнями рот прополощешь…
Боль зубная в душе засыпает сама…
Человечество больше не сходит с ума…
„Театральная площадь“ - объявляет вожатый.
Мы сходим на ней.
Растворяемся в сумерках,
сходим на нет…
Но хвоста хризантема
Выдает с головой:
Это Шер (O, mon scheur!..)
- деликатная тема -
Вскинул заднюю лапу…
А руно его -
Золотое, как струны…
Может, этому только комочку тепла
Важно, чтобы рука твоя не затекла,
Чтобы голос твой лунный…

- 2 -
Ветер, кудри лунные развей…
Вот стоит - надломленная арфа -
Втиснув пальцы струнные, Орфей,
Между горлом и петлёю шарфа.
Наклонясь над жирною водой
Ниже…
Ниже…
Нижет ожерелье…
Звёздный свет, пронизанный бедой,
Украшает ваше ожиренье,
Гастрономов сдобные жрецы,
Потные владельцы прогрессивок…
…Этот мир - во все его концы -
Не для тонких, робких и красивых…

- 3 -

Питаться лепестками роз,
Что на губах неслышно тают…-
Тогда, наверно, и летают
Тела…
И, тёплые от слёз,
Порхают розовые дети
И в облаках, и на планете…
И пахнут свежестью и сном,

Как пастила, девичьи плечи…
Давай о чем-нибудь полегче…
Но всё о том же - об ином…
А грусть - она светлей с вином…
…Но за прилавком Эвридика
Орфею молвила: „Иди-ка…“

- 4 -

Пока судьба не доконала,
Не довела
Ни до греха,
И ни до крюка, -
Лишь до стиха…
Идет Орфей один вдоль Крюкова канала
И дождь звенит - когда касается рука…

СТИХИ О СТИХИЙНОМ БЕДСТВИИ

Так бывает всегда,
Если жесткие русла узки -
Прибывает вода
Беспросветной осенней тоски.
Тяжела и черна,
В каждой капле - дрожащая ртуть,
И всё ближе черта,
И жестокий восторг - захлестнуть!
Не вольна, но волна
Нарастает и силу хранит.
…Сколько билась она
О глухой ленинградский гранит!-
Всё равно ей теперь:
Хоть на рельсы - хоть грудью в окно…
Сколько будет потерь…
Все стихия сметёт заодно,
Все затянет во мрак:
Листья клёнов, осколки зеркал,
Стаи глупых бумаг
И строку, что у неба искал…
Прибывает беда,
Но зато кандалы - на куски!
Так бывает всегда,
Если жесткие рамки узки.

***

Напрасно ждешь - монетой мести мелкой
Не отплачу, разменивая боль.
Тебе кряхтеть и дуться над тарелкой,

А мне - пьянее ягод гоноболь
Струится ночь из древнего сосуда -
Богами обожженного ковша.
И если нет Суда, - у пересуда
Не клянчит компенсации душа.

***

Все мёртвые похожи на японцев -
Сжимаясь, обостряются черты.
И лица - закатившиеся солнца -
Так сморщены, и сухи, и желты,
Что кажется: не солнца и не лица -
Лишь золотой погашенный заём,
Осенние оторванные листья,
Безликие в мелькании своём.
Листайте их - с березы ли, сакуры -
Не чувствуя логический нажим,
Кудахчут озабоченные куры,
Рифмованные с шелестом чужим.
И „Сакля“ начинается как „Саван“,
И тянется меж неба и травы
Как медленная лента Курасавы
Судьба, односерийная, увы…

***

И опять пустота.
Слепота.
Глухота.
Нищета.
И занятий тщета.
И мучительный поиск забвенья.
Горький привкус листа,
лебединый ли присвист листа,
Площадей суета
или с другом стакан откровенья, -
Всё равно - пустота.
Ни кола, ни двора, ни черта.
Где-то рядом черта -
остановка по воле мгновенья.
Духота.
Немота.
Маята.
И не то чтоб мечта,
А невзрачный дымок
вдруг потянет сумбурной сиренью…
Походить…
Постоять…
Передумать и перебродить…

Отметать и метаться…
Маячить…
Искать…
Находить -
И терять…
И опять -
пустота
и разорваны звенья…

***

Весь город меняет квартиры.
Сквозь шепот и в гомоне свар
Балконы, кладовки, сортиры -
Взаимолюбезный товар.
Соседями, видом из окон,
Расчетливо или в бреду,
Как будто и прошлым и роком
Махнуться имея ввиду,
Район ли, этаж выбирая, -
Меняйтесь взахлёб и подряд!
О, вечные поиски рая,
Сегодняшний скромный обряд...
Шурши, листопад объявлений,
Буди, телефонный каскад!
Обмены - лекарство от лени:
Меняться, метаться, искать!
Бессмысленны и непременны
До стона, до вспоротых вен
Обмеры - обманы - обмены,
Соблазны любых перемен…

***

Асфальт смеркается. И плащ
Нахмурен. Взгляд намок.
Ещё не дождь, ещё не плач,
А только так - намёк:
Сгущенье туч и ропот птиц,
И хрупкий лист в руке,
Сиротский нищенский стриптиз
Берёз на сквозняке.
Шуршанье волн, сближенье слов,
Что тикают в груди,
Осколки юношеских снов,
А сколько - впереди…
Какая ж тоненькая нить,
Осенняя, тишком,
Все рвётся мир соединить

Серебряным стежком,

Когда и кто продел её
Сквозь душу и перо?

***

Шуршащие листья - архив -
Осенняя летопись года…
Задумайся, с хрустом открыв
Страницу.
Такая погода:
Сдавить подбородок в тиски
Ладони, судьбою тиснёной -
И длинная капля тоски
Сползет по щеке затенённой…
Так надо: чтоб солнце и тень
Делили на равные части
И тело, и душу, и день,
И жизнь - горемычное счастье.
И к свету меня не тяни,
И сумерек этих не бойся:
Желанье остаться в тени -
Не модная шляпа ковбойства.
На струнах беспечных бренча,
Допрыгалась и доигралась.
Так надо: закладка луча
И щек петербургская впалость,
Желтеющая тишина,
Шуршащие мысли… Так надо…
Так надо… Так надо…
Так на -
Страницы последнего сада,

Осеннего Летнего сада
До снега листай, дотемна…

ГРАНЕННЫЙ РАЙОН 1972-74 ГГ

НАВЕРНО, ОБ ЭТОМ НЕЛЬЗЯ
О ЧЕМ ПОЁТ ГАРМОНЬ ТЕПЛОЦЕНТРАЛИ?
ПЕСЕНКА
МАЗУРКА
ТЩЕСЛАВИЯ, ЧУДА ЛИ РАДИ
ДОМ КАЗЁНЫЙ? ВЕРНО ГОВОРИШЬ
КАКИМ ТЫ БУДЕШЬ, БУДУЩИЙ ЯЗЫК?
ДО ОБИДНОГО ПРОСТ И НЕДОЛОГ

ЗА МЕСЯЦ ДАЧНОГО ЖИТЬЯ
НЕ СКАЖУ: МОЛ, ТАКОЙ,
ВЕСЬ ГОРОД - ЗА ГОРОДОМ. ЖАРКО...
ВОТ БРЕДУ, КАК ПО ШПАЛАМ, ПО ЗЫБКИМ ТЕНЯМ
ПРОЗРАЧНОСТЬ И НЕЗАВЕРШЁННОСТЬ
БАЛЛАДА О ДЕВУШКАХ МОЕГО ДРУГА
НУ ЧТО Ж, НАЧНИСЬ НОЧНАЯ ПОВЕСТЬ
РАССТРАИВАЮСЬ, ОТТОГО ЧТО
УЕДУ ЛИ КУДА-НИБУДЬ? ДА НЕТ...
УКОМПЛЕКТОВАН ЧЕЛОВЕК
КОГДА ОБЫДЕННО И МУДРО
ОТПУСТИЛИ И КНИГ, И СУДЬБЫ ПЕРЕПЛЕТЫ
ПЛОЩАДЬ В КОЛОМНЕ
СОНЕТ СТУКАЧУ
Д.Я.ДАРУ
ШУРШАЛИ ФАНТИКАМИ СКЕПТИКИ
ПОТОРОПИСЬ СКАЗАТЬ О ГЛАВНОМ
КАК НЕОХОТНО ТЕЛО ВЫПЛЫВАЕТ
ГЛУХОНЕМЫЕ ГОВОРЯТ
ВОЗЛЕ МОРЯ, ВЕТРЕННЫЙ И АЛЫЙ
ПОМНЮ ТОЛЬКО: ЛОШАДИ В ТУМАНЕ...
О, ЮНОСТЬ ПЫЛКАЯ, ПРОСТИ...

ПРИКОСНОВЕНИЕ РУКИ 1975

ПРИКОСНОВЕНИЕ РУКИ
МНОГООБРАЗИЕМ ЛЮБОВЕЙ
ЕСЛИ Б МОЖНО БЫЛО ВО ВРЕМЕНИ КАЖДОМ БЫТЬ
ВОКРУГ УНЫЛО И СЕРО
ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ГРУСТНЕЙ ПЛАСТИНКИ СТАРОМОДНОЙ
РЕПРОДУКТОР МОЛИТВЫ БУБНИТ ЭПОХАЛЬНЫЕ
НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ ЗАПАХИ СОЛОНОВАТЫ
ПРОЩАЙ, СТРАНА ОСЕННЯЯ, ПРОЩАЙ
ЧТО НАС ДЕРЖИТ ЕЩЕ НА ЗЕМЛЕ?
ИСЧЕЗНИ, ОСТРЯК, ЗАПОЛНЯЮЩИЙ ПАУЗЫ ШУСТРО
УЖЕ ЗА ТО СУДЬБУ БЛАГОДАРЮ
СТОЛЬКИМ ЮНЫМ ОБИДАМ ПРИСВОЕНЫ СТЕПЕНИ БЕД
В ТЕ ВОСЕМЬСОТ ЛЮБЕЗНЫЕ ГОДА
СУДИ, НЕ ЦАЦКАЙСЯ, НЕ МЕШКАЙ
СЛИПАЮТСЯ ФРАЗЫ - СОВСЕМ РАЗУЧИЛАСЬ ЧИТАТЬ
ИЮЛЬСКАЯ МОЗАИКА МАЛИНЫ…
НИЧЕГО И НЕ НАДО ОСОБОГО, НОВОГО…
ШТАНГЕЛЕМ ТЩАТЕЛЬНО СМЕРЬ
ПОДНИМАЕТСЯ ЖИЗНЬ И ПО ЛЕСТНИЦЕ ГАРШИНА
НЕУЖЕЛИ - ЧТОБ ТОЛЬКО ПРОСТРАНСТВО ЗАПОЛНИТЬ
УТЕШЕНИЕ
ВОТ И ОПЯТЬ Я УВИДЕЛА ВАС
НА ЧТО, ЗА ЧТО МНЕ ЗРЕНИЕ ТАКОЕ

ОСЕННЯЯ ЗАСТАВА 1975-76 ГГ.

ДЮНЫ
КОЛЫБЕЛЬНАЯ
ОДУШЕВЛЯЮ МИР - ВКЛЮЧАЮ ДУШ
ПТИЦЫ
ОРФЕЙ
СТИХИ О СТИХИЙНОМ БЕДСТВИИ
НАПРАСНО ЖДЕШЬ - МОНЕТОЙ МЕСТИ МЕЛКОЙ
ВСЕ МЕРТВЫЕ ПОХОЖИ НА ЯПОНЦЕВ
И ОПЯТЬ ПУСТОТА
ВЕСЬ ГОРОД МЕНЯЕТ КВАРТИРЫ
АСФАЛЬТ СМЕРКАЕТСЯ. И ПЛАЩ
ШУРШАЩИЕ ЛИСТЬЯ - АРХИВ

ОЛЬГА БЕШЕНКОВСКАЯ

ВЕЧЕРА НАШИХ ДНЕЙ

СТИХИ (1974)

ПОЭМЫ (1974-75)

***

Где-то там, на окраине занятой спешкой души,
В стороне от её и забот, и воскресного блеска,
В захолустье моем - столько неба... Лежи и дыши
Этим внутренним небом, другое закрыв занавеской...
Всё лежи, и дыши, и следи из под лёгких бровей,
Как мелькают века и, казалось, бесплотное - зримо:
Вот зелёные рифмы звенят в окончаньях ветвей...

Вот осенние гуси спасаются в сторону Рима...
В синема синевы словно фильм повторяется миф.
А когда засыпаю (и вместе со мной - недоверье),
Рассыпается „РИМ“... Из него сотворяется „МИР“...
И спасают его тихим скрипом гусиные перья.
Прилунится перо на морозный квадратик листа...
Но нескромные - „вечные“ перья, вы не были в небе.
И какое там небо - была бы хоть совесть чиста...
(Мы и в небо-то смотрим, волнуясь о взлёте и хлебе)
И когда нам лежать? Если только уже не дыша...
Но лежи и дыши, если век на мгновенье отпустит.
Пусть измотан твой мозг. Пусть промотана даже душа,
Кроме неба, которое светится там, в захолустье...

***

Неродные снега - как больничные простыни:
И белы, и свежи, но царапают кожу.
Я лечусь расставаньем, и надо бы просто мне
Постараться забыться.
Но слишком похожи
И домов, и деревьев, и лиц очертания.

Полусон, полуявь... Полу-я - полу-кто-кто...
Разночтение - чтение как причитания,
Откровенья соседей, латынь анекдота...
Скорый поезд - не „скорая помощь“ - увёз меня
В этот город стерильный: живите - как спите...
Но знобит от холодного звяканья звёздами
И аптечная примесь мерещится в спирте...
И не спится. А снег - повернешься к нему лицом -
В уголке проштампован казенной печатью...
И сжимаются плечи... И сердце сутулится...
Полумера - отъезд. Полумесяц над улицей.
Полсудьбы за печалью...

***

Стихотворному штриху
Не в сусальной позолоте
Признаюсь как на духу:
Не люблю больших полотен.
Если первый план порой
Кое-как еще понятен,
То и третий, и второй
Тонут в рыночности пятен.
И другим отвлечена,
Хоть и совестно, искусством,
Вижу: зреет ветчина

Сгустком розовым и вкусным...
Прозревающий рокфор.
Верба в графике ребристой.
И летит во весь офорт
Медный всадник серебристый...
Но, низвергнувшись с кистей,
Для кого, скажи на милость,
Столько красок и страстей
На полотнах истомилось?
Нашим вкусам услужить -
Дело - видно - непростое...
Может, стоит жизнь прожить,
У одной картины стоя?
Может, с выставки меня
Стоит выставить за то, что
Мне от лишнего огня
Зябко, боязно и тошно.
И одна надежда - вот -
Демонстрации заложник -
Скажет мне экскурсовод,
Что хотел сказать художник...

***

...И пока на морозном конверте окна не погашена марка -
Золотой полумесяц с краями зубчатыми,
Вечера наших дней - как хрустящие письма из марта -
Незаметно летят...
Кем-то будете вы распечатаны
Наших дней вечера?
В повседневном уюте предметы:
Неостывший кофейник и пушкинский томик...
Тополиная ветка
в сосуде с наклейкою
„водка“...
Простые предметы...
Он музей этнографии -
наш заснеженный домик.
Вот висят на гвозде
образцы неказистых одежд,
То есть, как нам казалось,
пижонские лыжные куртки.
Половица скрипит...
В пепелище стихов и надежд,
Как вороны, уткнулись окурки.
Что поделаешь, лёгкие наши и сердце -
добыча пороков,
Наших дней вечера
скоротали смешные болезни:
Из какого-то рака

слона, понимаешь ли, сделали
и не, помня уроков,
Поучали других: что - вредней, что - полезней...
Вот он, ящик с бельмом, тот, в который
сыграло искусство, -
Незавидная роль заурядных героев
массовки...
Воск терпенья и веры,всегда оплывавший
медово и грустно,
Осквернён ширпотребным налётом рисовки:
Свечка декоративная...
Крестик...
Иконка-чеканка...
Интерьерные поиски - происки -
прииски в дебрях религий...
Вечера наших дней...
Привкус жести...
Консервная банка
И беспомощный лифчик на стуле...
О, сколько реликвий,
Сохраняющих форму
нехитрого нашего быта...
Виновато в углу притулившийся веник
Так и будет наказан за ссору
которую время смело...
Ничего не забыто.
Всё запомнили вещи, и - надо же -
Стоили денег...
И тахта, повидавшая виды, вздыхавшая
в такт,
Если пальцы без фальши играли
на клавишах тела.
И часы, в тишине протекавшие так,
Что невольно считала их звонкие капли,
хотя - не хотела.
Истекали часы...
Но держалась блестящая марка -
Золотой полумесяц на морозном окне,
обращенном к отчизне...
Вечера наших дней -
как хрустящие письма из марта
О нелёгкой любви к этой горькой
и праздничной жизни.

***

В природе меньше форм, чем кажется порою.
И скромный обелиск в ней сходится с горою,
И крона, и волна, и снов начальных лоно,

Пакетик молока - и шлем Наполеона.
И страшно мне постичь законы совпадений:
И солнце, и лицо, и диски медных денег.
Вот луковицы блеск... Вот влажный купол в небе...
И дождь, растущий вниз - во вверх идущем хлебе.
А церкви силуэт насмешливо повторен
Во внешности её коллег - обсерваторий...
А в нежности к щенку - тоска по человеку.
В стремящемся на пик - бросающийся в реку.
Как „решка“ и „орёл“ - в одних монетах стертых
И страх полуживых, и смелость полумертвых.
Обнимет их земля объемами одними.
И выемки для них, и холмики над ними
Формально неспроста приравнены друг к другу.
Кладбищенский венок - к спасательному кругу.

***

Мотылёк спросонья спутал, ослеплённый белизной,
Упоительно прохладной в золотой и липкий зной,
Мой раскрывшийся бутоном отдыхающий кулак
С растопыренной ромашкой, полной нежности и благ.
И сидит, расслабив крылья, терпеливо ждет пыльцу,
И улыбки тёплый лучик пробегает по лицу
Моему, конечно, - разве есть лицо у мотылька?
Да ему и улыбаться вроде не с чего пока...
Да и мне как будто тоже, потому что налегке
Я сама сижу в готовом сплющить крылья кулаке...
Оттого и улыбаюсь и в ромашках, и в снегу,
Что, увы, но очень скоро и заплакать не смогу.
Потому и продолжаю трепыхаться и белеть,
Что состарившимся в детстве никогда не повзрослеть.

***

Я хожу по растеньям...
За что мне такие права?
Человек - неврастеник,
Но в чем виновата трава?
Ждешь у моря погодки,
Когда улыбнется - бог весть...
Только тяжесть походки -
Совсем не по адресу месть.
Это невыносимо:
Понять, что по жизни идешь,
Что трава - Хиросима
Под бомбами наших подошв;
Что ее униженье -
Твое возвышение, Пирр...
Что в основе движенья -

Невольно растоптанный мир;
И что мира основа -
Движенье по вечной канве...
...Это, в общем, не ново,
Но, Господи, - шаг по траве...

***

Уходят весёлые гости,
Ныряя в ночные пальто...
Лишь рыбьи прозрачные кости
Да холмики пепла...
Всё то,
Что пиршеством было, приветив
Этап твоего бытия,
Узнаешь, поморщившись, в этих
Останках еды и питья...
И в зеркало глянешь угрюмо,
Где слышала озера плеск,
Но глаз опустевших и рюмок
Зловещ фосфорический блеск.
И зябко. И едко. И пусто.
И манит в колодец дверей
Смурное и смутное чувство,
Предчувствие даже скорей...

***

Земля перевернулась. И не льдины
Скользят по синеве, а облака...
И белая, в изгибе лебедином,
Заломлена за голову рука.
И дерево затеплилась как свечка,
И, древнее доверие храня,
Знакомая с Цирюльником овечка
Таращит незабудки на меня...
...Иллюзии, питайте безнадежных,
И Час их отводите на кружок
Сияние ребенка без одежды,
Над звездами пастушеский рожок.
Идиллия захламленного слоя,
Оплавившая лед и парапет.
И кто-то в джинсах - Дафнис или Хлоя? -
Седлает голубой велосипед...

**

Нету Бога - отмучился...

(или я
Не увижу небесных морей...)
Всё же Бог - это чья-то фамилия -
Вроде Маркса наивный еврей.
Может, первые местные жители
Помнят, как, привалившись на бок,
Вдруг скончался он от продолжительной
И товарищ, и - господи... - Бог...
И под крышкой для нас консервируя
То, что больше назвать не могли,
По-приютски убогие, сирые,
Шли за ним по земле до земли...
Ну а дальше - ни вдоха, ни выдоха...
...Безотцовщина мира, она
И приводит к иллюзии выдоха
В опьяняющем слове „война“...
И заветы становятся ветхими,
Рассыпаясь осенней листвой,
Нас оставив под голыми ветками
И - ни яблока над головой.
...Миг творя, и не ведал, конечно, он,
Что потом поимеют ввиду,
Что кастрируют шестиконечную,
Голубую - до крови - звезду...
Что погибнет и будут повторено
Все, что создал и выдумал Бог,
И что богом выходит история
На трибуну пространств и эпох...

***

Оказалось, можно вот как
Раствориться, потеряться:
Иудеи хлещут водку
И, краснея, матерятся...
Любят, чтоб ступни босые
Щекотала рожь и маки;
Учат русскому Россию
На берёзовой бумаге...
И, кудрявясь незнакомо,
Ходят - кроткие овечки -
Ко вратам райисполкома
Хлопотать в раю местечки...
Что ж с того, что пили вина?
(Приседайте, приседайте...)
Вместо грустного раввина -
Красноносый председатель...

Избежали обрезанья?
Но узнали стариками:
Так (наверно, в наказанье)
Поступают с языками...
(Черный цвет крутого хлеба,
Память светлая о зернах...)
Так мелеет, блекнет небо
В горстью брошенных озерах...
И не светит - и не надо...
...Но повеет как поверье
От униженного взгляда
Холодком высокомерья...

***

Не поеду ни завтра, ни в среду...
В понедельник аванс получу
И пропью. И опять не поеду,
Не поеду и не полечу.
А включу портативный и ёмкий,
С государствами накоротке,
И, надеюсь, не очень-то громкий,
Но взволнованный треск в коробке...
Как приятно качает мне кресло
Голос твой, нео-жиданный друг...
Даже пальма в кастрюле воскресла,
Услыхав приглашенье на юг...
И Бог знает, что выйдет из рая,
Но замена реальна вполне:
Чуть восточнее ближнего края
И почти что на “невской волне“...
В этой жизни с порядком таможним,
С горьким хлебом и кислым вином,
Утешительна мысль о возможном
Продолжении в мире ином...

***

Словно важное что-то в толчее потеряла
И не вспомнить - не то что найти...
Беготня...
Из горяще-свистящего материала
На флагштоке -
заря пионерского дня.
Не хочу умиляться...
Не могу ухмыляться...
Перепутать оттенки смятенья боюсь...
Просто больно глазам от задорного глянца
Не тускнеющих горнов и новеньких блуз.

И готовы к борьбе,
и суровы к промашкам,
И от песен восторженных щёки горят -
Вот шагают они, не сгибаясь к ромашкам,
За отрядом отряд,
за отрядом отряд...
Барабанная дробь,
и жестокость припева,
(Но они-то не слышат, пыхтя и сопя...)
То направо ведет,
то уводит налево,
И равняться вожатый велит
на себя...
Отчего же в груди
подымаются флаги?
Просто музыка детства -
задетой струны...
С добрым утром тебя,
нестареющий лагерь -
Пионерская форма
великой страны...
Я смотрю, - и глаза прикрываю рукою,
Как стоит на трибуне...
Сидит у костра...-
Наше завтра,
ещё неизвестно - какое,
И опасно счастливое
наше вчера...

***

Море далекое... Время недальнее
Память на колышки вешать...
Продолговатые лица миндальные...
Чуть горьковатая свежесть.
Влажные сумерки... Лунные цитрусы
С мякотью грустной и вязкой...
Звёздные специи. Сонность от сытости.
Лодки - банановой связкой.
Ах, как банальными, ох, как повторными
Кажутся вздохи, причаля
Там, где ракушки свивались валторнами
И серебристо звучали...
Танцы осенние... Волны с медузами...
Плодоносящие ночи...
Дальняя музыка... Давняя музыка...
Тёмная музыка... Сочи.

Сочные всплески инжира, и жирное
Плюханье моря у пирса...
Да и какой Северянин, скажи-ка мне,
Южной тоской не упился?
Бредни на колышках... Память не канула...
Переплетений - несметно.
Рыба холодная, плоская камбала,
Та, что по слухам бессмертна...

***

Задумчивости каменная поза,
Слепой, тяжёлый взгляд исподтишка.
Как в плоскодонку - рано или поздно -
В ладони гулко скатится башка.
Клубится дым...
Ваятель и воитель...
Сверкнёт луна чешуйчатой спиной...
О чем же ты, роденовский мыслитель?
О том же, что и каменщик в пивной...

***

Чай в стакане. В теле слабость.
И во взгляде синь.
Печки вафельная сладость,
Кафельная стынь...

И во всю кровать дивана -
Два на полтора -
Тонким стелется нирвана
Дымом до утра.

Лишь бы в жизни привечали
Выдох затяжной,
Наслаждение печалью...
Словом... Тишиной...

СНЕГОПАД
(поэма)

Как рано стали улицы пустеть...
Когда ещё светлым-светло от снега...
Когда ещё не ловят звёзды с неба
Ни молодой, успевший полысеть,
Поэт, ни увядающий любовник,
Который чуть моложе, чем поэт...

Ещё автобус, алый, как шиповник,
Шипит в снегу, а на зелёный свет
Лишь снег идет...
А люди не идут.
Как будто их как мамонтов осталось...
И я не знаю, лень или усталость
Толкают в кресла, на диван кладут
Тех, что с работы ринулись галопом
(О, табуны! - О, здания, - держись!..)
Теперь они сидят с телециклопом
И в шахматы проигрывают жизнь.
А снег идёт...
И пусть себе идёт,
Поскольку он не первый, не последний -
Ромашек предок, тополя наследник,
А может быть - как раз наоборот, -
Не это важно...
Ну а что же важно?
Что рано наши улицы пусты...
На них переминаются отважно
Огни и милицейские посты
И снег идёт...
Часы идут за ним.
А мы всё ездим, время экономя...
И новый винный кодекс в гастрономе
Мы в опустеньи улиц обвиним...
О, полнота бутыли алкогольной,
Для сердца, знаю, ты нехороша,
Но как без рифмы бедной и глагольной
Не может исповедаться душа,
Так...
Снег идёт...
А мне он шел всегда...
Как жемчуг шел, и видела: идёт он,
Когда опять с каким-то идиотом
Проснёшься вдруг от света и стыда;
А снег идёт по улице пустой...
...Навязчивей, чем просто наважденья,
Плечом к плечу сомкнулись учрежденья
И каменно молчат...
И ты постой,
Наивный снег, отвыкший от народа,
Отвыкшего от снега и от лир.
Нормальное явление природы,
Постой у врат в нормированный мир...
Там воздух неестественен и сер,
Вещам и людям выдаются бирки,
И в комнатах прозрачных, как пробирки,
Так призрачно мерцают ИТР,
Что, кажется, слоняюсь по музею,
Когда склонясь над письменным столом,

Я прохожу сквозь стены и глазею
На голубых простейших под стеклом...
Они идут. Куда они идут?
Вернее, вьются, тужатся и тщатся...
А снег идёт...
Но хватит возмущаться
Их жизнью одноклеточной.
И тут
Идут часы, события бывают:
Разводы, свадьбы - маленький, но факт.
Дают „прогресс“. Начальник вызывает...
(Не на дуэль, дай Бог, - не на инфаркт...)
А снег идёт...
Березы клавесин
Звенит в саду, который всюду рядом...
Но эти люди расщепляют атом,
А ты, признаться, только апельсин...
А ты сама, как скрепки, нижешь строфы,
Надеясь, неосознанно почти,
И на пути к любви своей Голгофу,
И на пути к Парнасу обойти...
А снег идёт как пепел всех веков...
Снимите шапки, бледные плебеи! -
На нас идёт последний день Помпеи -
Последний день свободы и оков...
И горстку пепла взвесив на ладони,
И прорубив истории пласты,
Я всё о том же всё-таки далдоню:
Как светел снег...
Как улицы пусты...
А он идёт, идет совсем один.
Кому повем печаль твою, о, Снеже!..
И для кого так светел ты?
И с кем же
Склониться над мозаикою льдин?
Но даже самый вздох о благородстве -
Он слишком сладок около восьми...
В своём сиротстве и в своём юродстве
Мы виноваты сами, черт возьми!
Вот снег идёт...
Идёт рабочий стаж.
Идёт зарплата.
Иногда - работа ...
И о расплате думать неохота,
Стремительно взлетая на этаж
...Но снег идёт пока не на виски...
И не были б желания простыми,
Но рано стали улицы пустыми,
И проводов седые волоски
О материнских мне напоминают
Кощунственно, но вовремя зато:

Пока еще идёт она, родная
В моём снегу и в стареньком пальто,
И снег идёт...
А ты уходишь в снег...
Один из всех. Единственный - внезапно.
Ты ждал меня, а я смеялась: „Завтра!“
А снег идет...
И ты уходишь с ней...
А я прижму - насмешница, гордячка, -
К твоей груди надменное чело...
Наверно, это белая горячка
От снега, и не знаю - отчего...
А снег идёт...
...И ты ко мне идёшь,
Мой оптимизм:
„пройдёт, как день вчерашний“
А я вздохну: „Вот это-то и страшно,
Что все пройдёт...
Что снег пройдёт
как дождь,
Что перстень с ядом -
рядом с чашкой чаю,
Что слов не слышно в сутолоке фраз,
Что я уже сама не различаю,
Где у меня трагедия, где фарс,
А снег идёт и улицы пустеют...

ВМЕСТО СТАТЬИ...
А.Кушнеру

Большие люди - маленького роста...
И трудно жить, и затеряться просто
В очередях за пивом и луной...
Пока над пеной моря или кружек
Они себя в толпе не обнаружат
И в свет не выйдут, шумный и дневной...

И улыбаясь встречному, и ёжась,
Свою на всех сыновнюю похожесть
Поэт не прячет фиговым листком,
А тянет горечь общую и лямку
И в жизнь входя (и выходя за рамку...),
Всегда отринут ею и влеком.

Приходит он. Садится робко с краю,
(С трудом и это место выбираю)
Всегда смущённо комкающий в горсть
Не снег - так скатерть.

В том его отличье,
Что он, приняв хозяина обличье,
Забыть не может, что всего лишь - гость...

Всегда желанный, и всегда - некстати,
Во фраке - в свете, в сумерках - в халате,
(футляр - какой предложат времена)
Он ест и пьёт, вставляет мысль в беседу,
Икнёт сосед - сочувствует соседу,
И шепчет муз простые имена...

А между тем, курносенькие музы,
Его не с вами связывают узы -
Неотвратим осенний перелёт...
И шелестят, как лебеди, страницы,
И над подбитой больно распрямиться,
И угодить приятно в переплёт...

Поэт, уже стесненный переплетом...-
Теперь совсем без отчества живет он -
Отечества побочные сыны!
И негром должен быть он по идее
Или хотя бы просто иудеем,
Чтобы взглянуть чуть-чуть со стороны...

Лишь отстранясь, увидишь многогранность,
И граней блеск, и внешнюю сохранность,
И разветвлённых трещин черноту.

Но сам, не раз порезавшись, ни разу
Не променяешь, вслушиваясь в разум,
Ты эту чашу горечи на ту...

В сухих губах поэта и еврея
Дворняжья жажда родины острее -
Не малосольным пахнет огурцом,
А солью слёз и пота вперемешку...
(Вглядись, читатель, в грустную усмешку
Меж двух штрихов, намеченным резцом...)

Меж двух огней, меж тысячи сомнений,
Веков и дней, погромов и гонений,
Дрожащей сигареткою дымя,
Вдвойне богат и беден он при этом,
(И не опасны крайности поэтам,
Родившимся под звездами двумя...)

Поэт стоит на бруствере окопа
И пьёт настой смородины и укропа,
Доверчивостью утренней лучась...

А у виска свистят шмели и пули
Со всех сторон...
И в солнечном июле,
И в феврале, который через час... -

Кто знает, сколько времени осталось
Поэту, погруженному в усталость -
С младенчества поручено пасти
Ему отары звёзд на склоне неба,
Да и стиха - когда названья нету,
Да и бутылки... (Господи, прости...)

Днём к чёрту шлёт, а ночью ищет Бога,
То веря вдруг во всех, которых много,
То - вовсе нет... (Еще или уже?)
И сам пугаясь собственных гипотез,
Живёт, о бренном суетно заботясь,
Но и - на всякий случай - о Душе...

И пусть поэта дёгтем кормят с ложки,
И в 23 копейки на обложке
Оценена открытая душа,
Приучен он довольствоваться малым:
Чужой солонкой... Ласточкой... Бокалом...
Звонком - взахлёб, и словом - не спеша...

И плащик есть... Но - Господи - плащи-то -
Такая ненадёжная защита
От моросящей грусти сентября...
И зябнет радость ПЕРВЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ
В НОЧНОМ ДОЗОРЕ смутности осенней,
Дыханьем тёплым воздух серебря...

Куда идти? Ещё не знает сам он,
Весь - в мимолётных искорках лавсана,
Помимо бед мирских принявший сан
Святейшего из грешников - Поэта...
Во исполненье лунного обета
Идет поэт в далекий горд Санкът...

(Зарывшись ночью в жёлтые страницы,
Так переходит времени границы
Душа - к Душе - подросшею сестрой...
Не потому, что лучше там (О, Боже...),
А просто близких родственников больше,
По крайней мере, кажется порой...)

Судьба и подвиг (не медальки ради) -
С пером в перстах родиться в Ленинграде.
И счастье...
Блещет строгая вода...

(В награду нам за пешие привычки
Со дна „Невы“, закованной в кавычки,
Всплывешь ли ты, „Полярная звезда“?..)

И глух гранит, но сердце бьётся сладко -
Не крылья пусть, но всё-таки крылатка
Растёт...
И с невским ветром заодно
Легко дышать... И думается просто
На сквозняках, где выгорели ростры,
А солнце в лето кануло давно.

Иного нет пристанища.
Природа?
Там без тебя достаточно народа
Тень городов наводит на плетень...
И всё равно увидишь почему-то
Листвы цыплячьей ветреную смуту
И ястреба распластанную тень...

Фантастика? Для прозы - тривиально,
А для поэта - вовсе нереально,
Да и настигнет время беглеца...
...И аморальна в чём-то мудрость басен:
Глагол - он жжёт и шёпотом, и басом,
Но только лишь от первого лица...

И фейерверк метафор - не спасенье:
Ещё видней в хаосе дождь осенний -
Сквозь звёздный снег и солнечную рожь...
И не спасенье, если всё прогоркло,
Что не тоска тебя берёт за горло,
А ты её за горлышко берешь...

И есть о чём сказать, но как-то нечем...
И боль саднит и колет под предплечьем,
Как будто сердцем Бог не начинил...
И ,наконец, уже вконец измучит
Век изобилья шариковых ручек
И дефицита внутренних чернил...

Пусть говорят, что кто-то пишет кровью,
Доверья больше к тем, кто, сдвинув брови,
Глядит в окно, и в книгу, и в глаза,
Не очерняя, и не обеляя
Ни жёлтый свет, ни сырость - штабелями.
И не возводит образ в Образа...

Большой поэт, когда ему под сорок,
К ПРИМЕТАМ жизни пристален и зорок,
Устав от всех Сицилий и Харибд...

Чем он мудрей, тем больше он ребёнок,
Светлеет взгляд, и чистый голос тонок:
Его устами Муза говорит:

„Прекрасна жизнь...“
Но это так пристрастно...
А если жизнь, действительно, прекрасна?
Топлённый снег... Творожная зима...
Вкус бытия, молочный, как вначале,
Когда прозрели губы...
До печали -
До голубой трагедии ПИСЬМА...

Уходит грусть в безадресном конверте...
Возьмите в руки, на слово поверьте.
Поэта грусть - и всем, и никому.
И так прекрасен риск её и абрис.
И на конверте есть обратный адрес...
Побродит и воротится к нему.

И до подхода рая или ада
Живет он с ней в пределах Ленинграда.
Аэрофлота ангелы...
Метро...
В нем всё уже при этом свете наго,
И щит поэта - вещая бумага,
А меч поэта - певчее перо.

„Первые впечатления“, „В ночном дозоре“, „Приметы“, „Письмо“ - названия книг А.Кушнера. В те же годы А.Кушнер написал стихотворение „Вместо статьи о Вяземском“ . Отсюда - название поэмы...

РЕКВИЕМ XX-му ВЕКУ
(поэма)

Зашторен реализм - переучёт.
Романтика закрыта на просушку.
Ремонт в кубизме.
В школе Эпикура -
Летейские каникулы.
Куда
Стучаться нашим пишущим машинкам?
Ты два креста несёшь, XX век.
Один, вернее, первый - для искусства,
Второй - как говорится, для души...
Душа не может в рифму говорить,

Поскольку рифма - это свадьба звуков
В тот час, когда, приоткрывая небо,
Торжественно разводятся мосты
Над речью, отразившей побережья...
О, словосочетания обряд
На скользком зыбком плотике бумажном!
В такой момент не страшно утонуть,
Страшнее, что вода пропахла нефтью,
И небо в ней - твой чёрный ломоть неба
В тот час, когда мосты разведены.
Век не созвучий - разногласий век.
(Недаром свадеб меньше, чем разводов)
Век - разводящий, он разводит всё:
Бензином - воду, молоко - водою,
Мосты - руками, а мостами - руки...
И разводить не любит канитель
Век не любви, а пактов и сожительств,
Вернее, мирных сосуществований
И нервных, и общественных систем
До первой же размолвки...
Век двадцатый.
И третий акт.
Но занавес не поднят.
И бархата взволнованные всплески
Скрывают закулисную возню...
А зрители, покончив с трюфелями,
Огрызки яблок прячут в потных пальцах
И только ждут, чтоб выключили свет...
И наблюдают света представленье,
Зачем-то всё бинокли наводя
На ветхий, пыльный, на небесный бархат,
Что весь изъеден молью самолётов.
Как будто ждут оптический обман,
Как будто в силах оптики приблизить
Предметов кроме, действия предметов...
Бездействия спектакль. Театр абсурда.
Две маски золотых - на голубом -
Поочерёдно западают в складки:
Сменяется лимонная гримаса
Селены (удлинённая луна)
Утрированной солнечной улыбкой...
Идёт "XX век". Пока аншлаг.
И у барьера дремлет гардеробщик...
Он за своей китайскою стеной,
Пока ещё не сожжены подмостки,
Хотя мосты уже разведены...
И боль свела суставы...
Это осень...
И ревматизмом скрюченные ветви
Постанывают слабо на ветру,
Готовы нотным станом распрямиться

И ради птички, даже воробья,
Когда бы знать, что обостренье боли
И вызвано, и вызволено как бы
Подкорочным предчувствием весны...
Где научиться чтенью между веток?
Лишь между веток, а не между прочим.
Но древо родословное, увы,
Надломлено.
Оторванные листья
Упрямо засыхают завитками
И общество защитников природы
Их стряхивает в мусоропровод.
Труха и мусор листьев и листов.
Безлиственность
Безликость.
Беспогодье.
Беспочвенность всего и всех -
на почве -
Броня и бронь удобного асфальта
И перебранки крошечные птиц.
И лишь бессонниц рост на нервной почве
Напоминает о корнях, вернее,
О корешках...-
Как руку инвалиду
Свободный на три четверти рукав...
...Чем завершится третья четверть века?
...Чему-нибудь ты научился, век,
С весёлым хрустом вытянувший руку,
Готовясь повторить простой абзац
Параграфа, усвоенного всеми,
И молча простоявший у доски
Мемориальной...
Но, стыда не помня,
Задиристо подбросивший ракету
Над побелевшим шариком земным?..
...Голы, очки.
Пинг-понговая звонкость
Лысеющих голов и городов.
Мячи и рыбы плюхаются в сети,
Блеск шелухи на торсах и витринах
И пустота внутри -
хоть покати
Шаром бильярдным.
Только лузы - блузы...
Силоновые сети пропаганды :
Густая паутина - на мальков -
Из новых сил...
В слабеющей сетчатке
Не держатся пейзажи, выпадают
Картины, книги.
В раковинах шум

Не моря в перламутровой оправе,
А стадиона:
"Бейте эти тех,
А те лупите этих!"
Все болеют...
А счёт пока 0:0, и слава Богу,
Горят по обе стороны табло
Луна и солнце.
Мир в игре...
Защитник!
Сеть параллелей и меридианов
Не выдержит когда-нибудь...
Штрафной!
...Вся наша жизнь - бездонная штрафная
За опозданье в этот мир на двадцать
Мгновений, именуемых веками,
Ещё точнее - просто за приход.
Последний тайм.
Последний акт.
Последний
В тумане дней едва заметный мостик
Меж сердцем и душой...
Поставлен крест
На те кресты, которые, как плюсы,
Соединяли жителей земли
С корнями их подземными, и как бы
Суммировали опыт жизни до
XX-го крестового похода.
Ты два креста несёшь, XX век.
Изящество и блеск твоих доспехов
Не прикрывают, а, наоборот,
Очерчивают шаг средневековья...
Шаг, под которым рушатся мосты.
...Но строятся дома.
Не так-то просто
Построить дом из кубиков бетона.
Поставить синтетическую елку,
А на иголку - чёрную пластинку:
"Завод мелодий. Птичьи голоса".
У человека - новые игрушки,
И смех его, счастливый, инфантильный,
Летит вдогонку спутнику,
и часто
За ним не слышен хруст и треск мостов.
У человека - средний детский возраст
И в затемнённых уголках планеты -
Слезоточивый дым - подростки курят...
В парадных залах пьянствуют подростки
В мундирах президентских..
А внизу
Писатели портфелями дерутся

И в классики играют на панели...
А в классе тянут руки к облакам,
(Да потолки-то нынче низковаты...)
Решая, как всегда, единогласно,
Кого бы им списать с земного шара:
В искусственные спутники земли...
...Судьба искусства, ты в руках людей.
Нам далеко до совершеннолетья...
И столько в нас намешано всего,
И бродит смесью вин,
что неизвестно,
Какое крепче; Доброе ли? Злое?
В подростке трудном - труженике вечном,
Забытом всеми отпрыске Земли
И века по фамилии Двадцатый...
Несёт он двух крестов тяжёлый крест.
А вдруг они всего лишь след вороний
На белоснежной утренней бумаге
В густых лесах строительств...
А над ней
В тумане солнце брезжит и сквозит,
И сила есть в мускулатуре почек,
Хотя плывёт безвольно по теченью
Опавший чёрный лист календаря...

На перекрёстке всех веков и ветров
Стоит душа в пальто демисезонном,
Бледна,
в чём только держится душа!

СВЯТЫЕ ГОРЫ
(три эскиза)

Поныне к ямбам слог не охладел,
И снова - время взяться за октаву,
И хоть формально выйти за предел
Строфы обычной. - Слишком по уставу
Живём и пишем. Зреньем завладел
Экскурсовод, щебечущий картаво,
А слух свободен для речистых трав
И шелестов речных... И, видно, прав.

2

Под вашу сень, Михайловские рощи,
Опять сбрелись автобусов стада. -
Дешевле путь, укатанней и проще,
И в два конца: отсюда и сюда.

Святые горы - как святые мощи,
Когда в стране туристская страда.
Святые горы - Пушкинские горы
Дают весьма рентабельные сборы...

3

Пока отважный наш экскурсовод
Указкой вдохновенно обличает
Давно к стене приставленных господ,
Которые воспитанно скучают
В музейных рамках, - вслушайся: и вот
Случайный всплеск, донёсшийся с Кучане,
Закатный блик - вглядись - от Маленца
Ведут рассказ от первого лица...

4

Но прежде, чем послушать очевидцев
И разглядеть курчавую листву,
И в той зиме не то чтоб очутиться,
Как сонно пишут - будто наяву,
Но отдышаться от передовицы
И от всего, чем загнанно живу,
Подумать надо об экскурсоводе -
Бросать его уже неловко вроде...

5

К тому же, он, как правило, - она.
Она сипит простужено, к тому же.
Она, к тому же, видимо, одна -
Зачем с ночёвкой к Пушкину от мужа...
Она его ревнует, как жена,
К друзьям, стихам, к жене... - Как будто хуже
Ему вдвоём с прелестной Натали,
Чем с ней, нескладной, в этакой дали...

6

А он „женат и счастлив...“ И не ново,
И не старо спасение души
Спокойствием. (Смотри письмо Плетнёву,
А не согласен - Пушкину пиши...)
А факт, что нашей гибели основа -
Рожденье наше (сплетни и гроши
Не стоят слов) - увы, имеет место...
И пуля-дура - модная невеста...

7

И он женат и счастлив - если он -
Экскурсовод, щебечущий картаво,
Один из пачки тощих макарон -
Филолог, пролезающий в октаву
Через отдел, где отставной Харон
По блату спас курчавую ораву
Его потомков. (Странно или нет,
Но их мордашки - пушкинский портрет.)

8

Здесь чудеса. Здесь ночью Пушкин бродит
От кубка с пуншем - до монастыря...
Пойдёт направо - барышню заводит,
Пойдёт налево - гимны декабря...
И знать не знает об экскурсоводе,
Мечтая лишь о милости царя.
Да и не бродит - перьям для острастки
Все эти наши пушкинские сказки...

* * *

Сейчас начнётся летопись зимы,
Из тех снежинок хитрое вязанье...
Но у порога солнечной тюрьмы -
Ещё одно последнее сказанье,
Поскольку, хоть и совестно, но мы
Постичь не в силах это наказанье:
Хожденье в рамках липовых аллей...
Другим как будто много тяжелей...

2

Ну, пусть луны оскоминная долька,
И есть долги, а писем долго нет,
Его послали к матери - и только...
И у него отдельный кабинет...
И под кустом - приказчикова Ольга,
А в трёх верстах - настырная Аннет:
Калашный ряд и чудный крен в придачу...
Вздохнул приятель: „Мне б такую дачу...“

3

Не хмурьтесь, пруд, и Гейченко, и лес,
И ты, турист с повадкой имярека...
Простим ему пристрастный интерес
К мещанской жизни тоже человека.
И что слова - слова имели вес

Лишь в начертаньи каменного века,
А в шутках - стиль подложных векселей:
Смеёшься вслух, а вглубь - не веселей...

4

Но вглубь веков уйти не так уж страшно,
Свою тоску в классической топя;
И этот снег, безвыходный, вчерашний,
Как лёгкий пух, касается тебя...
И светит аист, замерший на пашне,
И греет солнце, к берегу гребя.
И густо пахнет залежами торфа,
И небосвод - в мундире Бенкендорфа.

5

И он - уже наказанный, хотя
До декабря - метель мазурки, лето...
(Глядишь, мазурик, баловень, шутя
Займёт Россию пламенем, а это...)
Поэт - всегда опасное дитя:
Игра с огнём - призвание поэта.
И, как назло, в жестокости царя
Его спасенье, честно говоря...

6

Слепит сердца фейворками столица,
Мажором глушит, давит кирпичом,
Но поневоле с толпами не слиться:
Талант раскован - в рощи заточён.
Заносит снег события и лица
И громко вечность дышит за плечом:
Торопит гений... И звездами блещет...
Хотя ему от этого не легче.

7

Камин... Листок с обкусанным пером...
Надменный столбик с куклою чугунной...
Вчера он здесь беседовал с Петром,
Сегодня - с Ленским, завтра - с ночью лунной:
Что злом назвать и что считать добром
Душе поэта, вспыльчивой и юной -
О том, что было, есть и будет впредь:
Как трудно жить и страшно умереть...

8

Почто кичиться званьем человека -
Что за курганом горбится курган,
Что выше нас - и облако, и ветка?
(Со-бор сосновый, - готика, - орган)
И 25 ему - и четверть века...
И мозаично сотканный Коран,
И над Россией луковое горе -
Всё внятно вдруг... О, книг святые горы!

* * *

Октябрь уж наступил... Ещё потёмки.
Опала роща. Теплится „Опал“.
Чумазого приблудного котёнка
Зовут мемориально - Ганнибал;
И тянутся к Тригорскому потомки,
Позёвывая... (Те, кто не проспал...)
И кстати им огурчики из бочки
С морозным хрустом пушкинской Опочки...

2

О, искушённый в классике базар!
(Посторонись, всезнающий Ираклий...)
Здесь помнят всё, что скушал и сказал
Сей добрый барин... В честь его спектакли,
Загородив автобусный вокзал,
Воссоздают нам ярмарку, не так ли?
Пернатый гусь... Брусничная вода.
По заповедным ценам иногда...

3

Ну что ж, он стоит этого. Афёры
Не больше здесь, чем подлинной любви.
Пьют за „кормильца“ критики, шофёры,
Профессора - кого ни назови;
И, видно, нет надёжнее опоры
Сегодня, чем с минувшим виз-а-ви,
Вздыхать, сверяя помыслы и чувства
На языке естественном искусства...

4

Повороши судьбу, поворожи
И мне, цыганка жгуче-молодая,
Что в этой жизни нового, скажи...
Горит пасьянс осенний, увядая,
Звезда в ночи и фитилёк во ржи,

И в сумасшедшей славе - Чаадаев... -
Так думал Пушкин, ёжась на заре,
Ещё при том Романове - царе...

5

Хотя была история короче,
И без моих полутора веков
Он знал, оков падение пророча:
Возможна лишь ослабленность оков,
В цепи замена звеньев... И до ночи
Блеск не кинжала, а черновиков
Оттачивал... „И я бы мог, как шут...“
Но что правей - потомки зачеркнут...

6

... И сердце жечь одним глаголом: „были“- .
Друзья по крови, братья по судьбе...
(В ту ночь он с графом ехал на кобыле
И было всем троим не по себе...)
... Побольше б Кюхлю женщины любили -
Бедняга б меньше думал о борьбе...
Но к шалопаям (их-то хоть не сглазьте)
Благоволят красавицы и власти...

7

Но благороден титул: декабрист!
В нём снег и совесть светятся как будто.
И не случайно подвиг серебрист,
А не жесток - в отличие от бунта;
Не верю я в слепой и нищий риск:
Голодный рот всегда заткнётся булкой...
А те, одной свободою горя,
Теряли всё в метелях декабря!

8

..Меняет время узников и стражу,
И что с того, что этот наорал... -
Служенье муз - не почестям и стажу;
И что с того, что был не за Урал,
А только в камер-юнкеры посажен
Поэзии кудрявый генерал...
И что ему с того, что звёзды - близко...
Февральский холмик. Холод Обелиска.

Послесловие

Но в дань его ликующему слогу
И в знак того, что ямб не охладел,
И раз уж мы покинули берлогу
Своей судьбы, удрав от срочных дел,
Прийти бы мне к другому эпилогу -
Как выйти вдруг за Северный Придел,
Где запыхавшись у подножья храма,
Спросил малыш: „А Пушкин выше, мама?“...

Или хотя бы вспомнить, как тогда,
Ладонь в чернилах величая дланью,
Мой первый бог привёз меня сюда -
К своей Любви... И бабушку Меланью,
Что всё боялась: „Высохнеть вода“...
И диктовала „строгую посланью“
К самой Москве, с цитатой невпопад,
При тёплом свете - всё ещё лампад...

Святые горы... Грешные... Святые...
И три сосны... И поодаль - жена...
Течёт вода... В озёрах поостыли
И наши отраженья... Тишина.
И только залпы сердца холостые...
Но здесь была лампада возжена!
Меланьи нет. И пламень строф не сбылся.
А бог давно ссутулился и спился.
И, видно, мало детской правоты...
Не тешит плоть монашеская ряса.
Вегетерьянец вытоптал цветы,
А гуманист - большой любитель мяса.
И что сказать на это можешь ты,
Единогласно праведная масса?
А я молчу, поскольку нет уже
Единодушья в собственной душе...

СТИХИ (1974)

ПОЭМЫ 1974-75 гг.

ГДЕ-ТО ТАМ, НА ОКРАИНЕ ЗАНЯТОЙ СПЕШКОЙ ДУШИ
НЕРОДНЫЕ СНЕГА - КАК БОЛЬНИЧНЫЕ ПРОСТЫНИ
СТИХОТВОРНОМУ ШТРИХУ
ПОКА НА МОРОЗНОМ КОНВЕРТЕ ОКНА НЕ ПОГАШЕНА МАРКА
МОТЫЛЕК СПРОСОНЬЯ СПУТАЛ, ОСЛЕПЛЕННЫЙ БЕЛИЗНОЙ
Я ХОЖУ ПО РАСТЕНЬЯМ...
УХОДЯТ ВЕСЕЛЫЕ ГОСТИ
ЗЕМЛЯ ПЕРЕВЕРНУЛАСЬ. И НЕ ЛЬДИНЫ
НЕТУ БОГА - ОТМУЧИЛСЯ...
ОКАЗАЛОСЬ, МОЖНО ВОТ КАК
НЕ ПОЕДУ НИ ЗАВТРА, НИ В СРЕДУ...
СЛОВНО ВАЖНОЕ ЧТО-ТО В ТОЛЧЕЕ ПОТЕРЯЛА
МОРЕ ДАЛЕКОЕ... ВРЕМЯ НЕДАЛЬНЕЕ
ЗАДУМЧИВОСТИ КАМЕННАЯ ПОЗА
КАК РАНО СТАЛИ УЛИЦЫ ПУСТЕТЬ...
ВМЕСТО СТАТЬИ...(А.КУШНЕРУ)
СВЯТЫЕ ГОРЫ (ТРИ ЭСКИЗА)